

**Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)**

На правах рукописи

Томоо Канадзава

Литературная деятельность О. П. Козодавлева

Специальность 10.01.01. — русская литература

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук
Р. Ю. Данилевский

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение	3
Глава 1. Драма И. В. Гете «Клавиго» в переводе О. П. Козодавлева: история и обстоятельства создания перевода.....	20
Глава 2. Произведения в журнале «Собеседник любителей русского слова»: идеи Просвещения и ранний русский сентиментализм....	
2.1. Три произведения из журнала «Собеседник...»: поэтика чувства... 50	50
2.1.1. К изучению беллетристического метода Козодавлева: Франция и Германия в «Приятном путешествии».....	56
2.1.2. Анализ стилистики «Приятного путешествия».....	60
2.1.3. «Стихи Клелии».....	64
2.1.4. «К другу моему...».....	66
2.2. Стихотворение «Сновидение».....	70
2.2.1. Роль мифологии в «Сновидении».....	72
2.2.2. Тема семейного образования.....	79
2.2.3. Мотив воздушного шара Монгольфье: отклик Козодавлева на событие 1783 года во Франции и на статью Виланда.....	94
Глава 3. Статьи о «Детском музее» в «Северной почте, или Новой Санкт-Петербургской газете».....	101
Заключение	126
Список литературы	130

Введение

На рубеже XVIII–XIX веков завершился процесс формирования нового статуса литературного труда, а специфика литературы по сравнению с другими сферами словесной, и шире – культурной, деятельности была осознана отчетливее, чем в предшествующую эпоху. Соответственно, и художественной литературе исследователи уделяют больше внимания, чем другим письменным памятникам этого времени. Однако в конце XVIII века писатели, поэты, драматурги и журналисты, испытывавшие влияние идей Просвещения, в то же время участвовали в государственных делах, прежде всего в проектах, инициатором которых была Екатерина II, цели которой по-своему вписывались в круг просветительских идей. Государственное направление деятельности особенно актуально для писателей, находившихся близко к престолу. При этом многие из оставшихся от них произведений остаются почти неизвестными, из-за того что в эстетическом отношении это произведения второго ряда. Между тем их изучение может дать ключ к более глубокому пониманию того, что происходило в литературном мире, а выявление того, что в первую очередь интересовало их авторов, помогает воссоздать детальную картину роли Просвещения в становлении новой русской литературы.

Осип Петрович Козодавлев (1754—1819), литературные работы которого составляют предмет нашего исследования, также был одним из писателей на государственной службе. Несмотря на успешную карьеру Козодавлева-чиновника, служившего правительству в разных комиссиях при трех императорах, его литературные занятия представляют немалый интерес, и именно в силу его пограничного статуса между литературной и государственной сферами деятельности, в каждой из которых по-своему преломились идеи Просвещения. Литературная деятельность Осипа Козодавлева рассматривается в контексте истории отечественной литературы и

ее европейских связей. Названными обстоятельствами определяется **актуальность диссертационной работы.**

Цель исследования – выяснение места О. П. Козодавлева в истории русской литературы, в частности, его роли в реализации русско-западных, и прежде всего русско-немецких, культурных и литературных связей.

Цель работы подразумевает конкретные **задачи исследования.** Назовем основные из них:

1) определить важнейшие события для характеристики литературной деятельности Козодавлева;

2) выявить в каждом из них своеобразие позиции Козодавлева на фоне русского литературного процесса конца XVIII века, его связи с тенденциями времени – стилистическими и идейными;

3) отметить факты, свидетельствующие об интересе Козодавлева к межкультурному посредничеству, проанализировать способы его участия в нем и роль в конкретных сюжетах из истории русско-европейских литературных связей;

4) определить, каким образом в литературной деятельности Козодавлева преломление просветительства и сентиментализма, решение насущных литературных и просветительских задач связано с его новаторством в отборе тех или иных явлений европейской литературной культуры для знакомства с ними русской публики.

Объектом исследования является творчество Козодавлева, его литературные интересы и его отношение к комплексу идей Просвещения и к просветительской деятельности.

Предметом и материалом исследования выступают печатные работы Козодавлева — писателя и журналиста: переводы, произведения, опубликованные в журнале «Собеседник любителей русского слова»,

редактированием которого занимался Козодавлев, и его статьи в газете «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета». Такими работами, в частности, являются:

1. Переводы. Прежде всего, это перевод драмы И. В. Гете (Johann Wolfgang Goethe, 1749—1832) «Клавиго» («Clavigo», 1774) — первый русский перевод произведения Гете. В отличие, например, от также переведенной Козодавлевым поэмы М. А. Тюммеля (Moritz August Thümmel, 1738—1817) «Вильгельмина» («Wilhelmine», 1764), драма Гете была переведена им по собственной инициативе, а не по заказу Екатерины II, поэтому анализ его перевода позволяет разобраться в отношении Козодавлева к переводческой работе и к своим задачам писателя-просветителя.

2. Оригинальные сочинения Козодавлева, помещенные в журнале «Собеседник любителей русского слова» (1783—1784), соредактором которого он являлся. До настоящего времени исследователи этого журнала обращали внимание только на такие стихотворения Козодавлева, как «Письмо к Ломоносову», «Письмо к Капнисту» и «Письмо к татарскому Мурзе». В диссертации в качестве предмета исследования выбраны другие произведения: прозаическое «Приятное путешествие» и три стихотворных («Стихи к Лелии», «К другу моему...» и «Сновидение»). Их анализ дает нам представление о рецепции Козодавлевым творчества современных ему писателей, а также проясняет его собственные литературные позиции и творческий метод.

3. Статьи из «Северной почты, или Новой Санкт-Петербургской газеты» (1809—1819), редактором которой был Козодавлев. Статьи, помещавшиеся в этой газете, содержали политические и экономические новости, сообщения о заграничной и отечественной промышленности, о технических открытиях, о появлении новых общественных организаций, о новых публикациях и проч. В диссертации преимущественное внимание обращено на те статьи, в которых ярко проявились особенности просветительских взглядов редактора, и прежде

всего, это материалы «Северной почты», посвященные журналу «Детский музей» (1815—1819). Изучение отзывов о нем является полезным для выяснения взглядов Козодавлева на детское и юношеское образование.

Методологические основания

В целом в диссертационном исследовании используется традиционный историко-литературный метод в приложении к таким своеобразным для исследуемой литературной эпохи явлениям, как этос непрофессионального литератора/государственного чиновника; переводческая деятельность, являющаяся отражением прежде всего русских культурных интересов; практическое просветительство в области педагогических взглядов и практики редактирования журнала; отражение в литературе новейших тенденций культуры и техники XVIII века в их единстве. Кроме того, нами применяются приемы сравнительного литературоведения, с акцентом на выявлении генетических связей литературных явлений в системе взаимодействия русской и европейской, преимущественно немецкой, культур рубежа XVIII—XIX веков. Наш анализ, предпринимаемый в контексте русско-немецких культурных и литературных связей, позволяет, во-первых, вписать в историю русской литературы XVIII—XIX веков еще одну модель проявления идей Просвещения, а во-вторых, способствовать детализации картины истории русско-немецких культурных связей конца XVIII — начала XIX века.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Литературная позиция Козодавлева соединяла в себе идеи Просвещения и сентиментализма с отчетливой тенденцией к практическому просветительству (педагогике); кроме того, в ней нашел выражение его интерес к культурным взаимосвязям между Россией и рядом других стран. Пытаясь понять особенности культурной, литературной, политической жизни зарубежных стран в их сравнении между собой, Козодавлев, как видно по его переводческой работе над драмой Гете «Клавиго», по «Приятному

путешествию», по статье «Рассуждение о народном просвещении в Европе» и по другим его произведениям, старался осмыслить и отразить ряд этих особенностей.

2. По нашему мнению, Козодавлев взялся за перевод драмы Гете «Клавиго», движимый уже сформировавшимся у него интересом к теме межкультурного сопоставления, играющей важную роль в этом произведении, а не из-за стремления к открытию нового драматического жанра «мещанской трагедии», как считалось раньше.

3. В первой половине 1780-х годов, т. е. на раннем этапе русского сентиментализма, Козодавлев осваивает в своем творчестве характерные черты этого литературного направления, которое позволяло взглянуть на «чувствительность» как на положительную и необходимую особенность человека, способствующую развитию его внутреннего мира. Козодавлев, который по образованию и по роду своей деятельности был убежденным просветителем, вносит в свои произведения черты сентиментализма с целью «просвещения» внутреннего мира русского читателя. Позиция просветителя и раннего сентименталиста оказывается у него единым целым.

4. Статьи из «Северной почты, или Новой Санкт-Петербургской газеты» — издания, вышедшего под редакцией О. Козодавлева, — посвящены развитию педагогики и наследуют европейской энциклопедической традиции. Обращение к педагогике как науке связано с реформой школьного образования, в которой Козодавлев принимал деятельное участие. В то же время эти работы сохраняют связь с литературой, что является оригинальной особенностью журналистской деятельности Козодавлева.

Научная новизна

В данной диссертационной работе литературное наследие О. П. Козодавлева впервые рассматривается как самоценное явление в русском

литературном процессе 1780—1810-х годов, в истории русской журналистики и русской переводной литературы.

Теоретическая значимость

Освещение фрагмента литературного процесса, практически не изученного ранее, позволяет представить себе развитие русской литературы конца XVIII — начала XIX века в ее деталях, из которых складывается литературный процесс, до сих пор часто изучаемый по своим вершинным явлениям. В истории русской переводной литературы достойное место обретает перевод Козодавлева из Гете, который стал начальной точкой в восприятии Гете русской культурой.

Практическая значимость

Результаты данного диссертационного исследования могут быть использованы в общих работах по истории раннего русского сентиментализма и Просвещения, русских переводов произведений И. В. Гете, истории образовательных реформ в России, а также в справочной литературе, в том числе при составлении научной биографии Козодавлева.

Апробация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на нескольких научно-практических конференциях: 1) Русский сентиментализм и немецкий «Sturm und Drang» (XI Международная славистская литературоведческая конференция «Большие темы культуры в славянских литературах. Чувства» (Вроцлав, Польша), май 2013 года); 2) Отношение О. П. Козодавлева к драме И. В. Гете «Клэвиго» (Научное заседание с обсуждением докладов (Отдел русской литературы XVIII века, ИРЛИ РАН, Санкт Петербург, Россия), май 2014 года); Мотив «Сновидения» в русской литературе второй половины 18 века (VI Научно-практическая международная конференция «Русско-зарубежные литературные связи»

(Нижний Новгород, Россия), октябрь 2014 года); Russian Elites and their Academic Experience in Germany (The 14th International Congress for Eighteenth-Century studies (Роттердам, Нидерланды), июль 2015 года); The Influence of German Culture on the Russian Periodicals of the Early 19th Century (Международная конференция Общества по изучению русской и славянской литературы и истории (ICSEES) (Макухари, Япония), август 2015 года); О «Детском музее» в отзывах «Северной почты» (К теме: роль немецкой литературы в истории русского Просвещения) (Конференция «Текстология и историко-литературный процесс» (Москва, Россия), март 2016 года).

Также по теме диссертации были опубликованы тезисы докладов и статьи в научных журналах, включенных в список ВАК (см. библиографию в конце автореферата).

Структура работы

Диссертация состоит из «Введения», трех глав, «Заключения» и списка литературы вопроса.

Во «Введении» мы учитываем предыдущие исследования деятельности О. П. Козодавлева, для того чтобы определить место и значение нашей диссертации в истории изучения данной темы.

В первой главе рассматривается зарождение интереса Козодавлева как начинающего автора к немецкой культуре, которая оказала на него большое влияние. Материалом этой главы является анализ сделанного им перевода драмы И. В. Гете «Клэвиго» в контексте анализа биографии писателя. Немецкая академическая наука пользовалась в Европе большим авторитетом, роль немецких ученых была значительной и в становлении российской Академии наук, на ранних этапах развития науки в России в целом. Екатерина II стремилась отправлять русских студентов в Германию на обучение. Среди этих студентов оказался и Козодавлев. На него оказали большое влияние и произвели впечатление не только культура и литература, но и организация

образования в Германии. В диссертационном исследовании мы обратим внимание и на то, какую роль сыграли знания, полученные Козодавлевым в Германии, в его конкретных текстах.

Вторая глава посвящена изучению работы Козодавлева как редактора журнала «Собеседник любителей русского слова» и автора ряда статей в этом журнале. По настоящее время исследователями рассматривались лишь такие сочинения Козодавлева, опубликованные в «Собеседнике...», как «Письмо к Ломоносову» и «Письмо к Капнисту», но его художественные произведения не вызывали большого интереса у историков русской литературы, между тем они важны для понимания выраженного в них представления Козодавлева об идеях Просвещения и просветительства, связей идей Просвещения с русским сентиментализмом, ранний этап которого приходится на первую половину 1780-х годов. Нами рассмотрены следующие произведения Козодавлева: прозаическое «Приятное путешествие» и три стихотворных — «Стихи Клелии», «К другу моему...» и «Сновидение».

В третьей главе рассматриваются статьи, опубликованные в газете «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета». Александр I назначил Козодавлева главным редактором этого периодического издания. Темы статей, помещавшихся в газете в течение десяти лет, были разнообразны, в том числе там печатались извещения о выходе новых книг. Первая половина главы посвящена изучению просветительских взглядов Козодавлева на материале отзывов в газете «Северная почта» о журнале «Детский музеум». Это поможет лучше понять принципы, на которых основывалась редакция «Северной почты». Опираясь на анализ материалов в «Детском музеуме» и «Северной почте», во второй половине главы мы проводим анализ общей концепции «Северной почты». Другие статьи этой газеты, по нашему мнению, в той или иной степени развивали концепцию детского образования.

В «Заключении» подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы.

Степень разработанности проблемы

Список биографических работ о Козодавлеве следует начать с некролога, опубликованного в 1819 году в газете «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета», главным редактором которой он был: «В минувший четверг, 24 июля, скончался здесь, к общему сожалению, министр внутренних дел, г. действительный тайный советник Осип Петрович Козодавлев, после тяжелой болезни, продолжавшейся около месяца. Кроткие христианские добродетели, просвещенный обширными познаниями в науках разум, отличные сведения в государственных делах и неутомимые подвиги на пользу общую, суть такие памятники преставившемуся, которых никакое время не может разрушить. Он до последней минуты жизни сохранил христианские правила и чувствования». ¹

Спустя полгода на страницах «Журнала императорского Человеколюбивого общества» появилась биография Козодавлева,² там же была помещена речь Б. И. Фитингофа, в которой, в частности, говорилось: «Великая Екатерина, видя в нем отличное просвещение, поместила его в Академию и определила членом Комиссии учреждения народных училищ во всем пространстве Российской империи <...> Павел I желал найти человека, который бы соединял в себе познания опытного законоведца с человеколюбием и милосердием истинного христианина. Выбор его пал на Осипа Петровича Козодавлева». ³

¹ Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета. 1819. № 60. 26 июля.

² Краткое известие о жизни покойного министра внутренних дел О. П. Козодавлева // Журнал императорского человеколюбивого общества. 1820. Январь. С. 72—77.

³ Речь, произнесенная в третьем годичном собрании С.-Петербургского Минералогического общества председателем оного г. тайным советником бароном Б. И.

Следующая посвященная Козодавлеву публикация — биографическая статья Н. Дубровина — вышла только в 1863 году в 82-м и 83-м номерах «Северной почты».⁴ Исследователи часто обращаются к другой статье середины XIX века «О журнале “Собеседник любителей русского слова”» Н. А. Добролюбова, опубликованной в 1856 году в журнале «Современник». В этой статье критик не только анализирует стихотворения Козодавлева, но и высказывает предположение, что одно из стихотворений — «Сновидение», появившееся в «Собеседнике» без указания имени автора, на самом деле принадлежит Козодавлеву.⁵ Это предположение Добролюбова легло в основу атрибуции стихотворения.

Примерно четверть века спустя в шестом томе изданной М. И. Сухомлиновым капитальной «Истории Российской Академии», собравшей большое число неизвестных ранее документов, появилась обстоятельная биография Козодавлева как одного из членов Академии, внесших значительный вклад в ее развитие.⁶ Работа Сухомлинова должна быть отнесена к важнейшим источникам биографии и изучения творческого пути писателя.⁷ Так, на ее основе Е. М. Гаршиным была составлена биография Козодавлева,

Фитингофом, в память почетного члена оного, министра внутренних дел, Осип Петровича Козодавлева // Там же. С. 78—79.

⁴ *Дубровин Н.* Осип Петрович Козодавлев в деле списывания актов в Кенигсбергском архиве (Несколько слов для его биографии) // Северная почта. 1863. № 83; № 84.

⁵ *Добролюбов Н. А.* О «Собеседнике любителей русского слова». Издание кн. Дашковой и Екатерины II. 1783—1784 // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 182—278.

⁶ *Сухомлинов М. И.* О. П. Козодавлев // История Российской Академии. СПб., 1882. Т. VI. Вып. 2. С. 2—512.

⁷ Сухомлинов пишет о том, что до его работы появлялось несколько версий биографии Козодавлева, приводя их в примечаниях (См.: *Сухомлинов М. И.* О. П. Козодавлев. С. 6—7, 366—374).

опубликованная на страницах сборника С. А. Венгерова «Русская поэзия» (1894).⁸ Остальные публиковавшиеся заметки о Козодавлеве следует назвать скорее краткими очерками, и они по большей части касались отдельных деталей его биографии. Сведения о Козодавлеве можно почерпнуть также из таких источников, как «История министерства внутренних дел» Н. В. Варадинова (1859, ч. 1 и ч. 2, кн. 2), «История Академии наук» П. П. Пекарского (1870—1873, т. 2 «Толки и настроение умов в России по донесениям высшей полиции 1818—1819 гг.»), в которых Козодавлев рассматривался, в общем, только как политик и государственный деятель. Однако все эти источники не дают связного представления о Козодавлеве как литераторе, притом, что его литературная деятельность была весьма обширна.

Действительно, хотя Козодавлев занимался государственными делами (участвовал в деятельности Комиссии по учреждению народных училищ, занимался уголовным законодательством, в XIX веке поступил на службу в министерство внутренних дел, служил также в министерстве иностранных дел и в Российской академии), он принимал активное участие в издании журналов, а также в издании собрания сочинений М. В. Ломоносова, занимался переводами из И. В. Гете, М. А. Тюммеля, переделывал комедии Ж. Лафонтена. И хотя не так много работ посвящено самому Козодавлеву, однако его имя встречается в исследованиях о некоторых из его современников, таких как А. Н. Радищев, Е. Р. Дашкова, Г. Р. Державин и др.

Из перечисленных авторов к Козодавлеву в известной степени ближе других находился Радищев: они были почти ровесниками, более того, вместе учились в Лейпцигском университете, поэтому в исследованиях о Радищеве нередко упоминается и Козодавлев. Их политические взгляды были различными, что не помешало полиции некоторое время после публикации

⁸ *Гаршин Е. М.* О. П. Козодавлев // Русская поэзия / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1894. Т. 1. Вып. 4. С. 759—761.

«Путешествия из Петербурга в Москву» подозревать Козодавлева в том, что он также каким-то образом участвовал в этом издании. Их взаимоотношения впервые были отмечены в 1872 году, в биографии А. Н. Радищева.⁹

Изучение взаимоотношений Козодавлева и Радищева помогает точнее определить место Козодавлева в литературной жизни его времени. Поэтому мы используем некоторые из исследований о Радищеве. Например, в работе Г. П. Макогоненко, посвященной анализу жизни и творчества Радищева, Козодавлев предстает одним из современников, окружающих Радищева.¹⁰ И. П. Вороницын проводит сравнительный анализ педагогических идей, выраженных в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева и произведении Козодавлева «Приятное путешествие».¹¹ Вороницын здесь выбирает для анализа, наряду с произведениями этих двух бывших лейпцигских студентов, сочинения их товарища по университету П. И. Челищева.

И все же литературной стороне деятельности Козодавлева даже в XX веке уделяют внимание лишь некоторые исследователи. Например, В. М. Жирмунский при рассмотрении истории восприятия творчества Гете в России представляет Козодавлева как переводчика драмы «Клавиго».¹² Связывая его работу с литературными явлениями эпохи, Жирмунский вписывает этот перевод драмы Гете в контекст знакомства русских зрителей и читателей с жанром «мещанской трагедии». Н. Волков в статье «Гете в русском театре», которая

⁹ Русская старина. 1872. Т. 6. № 11. С. 573—581.

¹⁰ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956. С. 229—235.

¹¹ Вороницын И. П. История атеизма. М., 1927. Ч. 4.

¹² Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 40—41.

посвящена ранней драматургии Гете, также упоминает Козодавлева в связи с переводом «Клавиго».¹³

Отметим также статью Н. Д. Кочетковой «Отзывы о Ломоносове в “Собеседнике любителей русского слова”», в которой она рассматривает отношение участников этого журнала к творчеству Ломоносова. Перечисляя литераторов, публиковавшихся в журнале, исследователь выделяет Козодавлева как человека, который хорошо улавливал и передавал идеи императрицы. Н. Д. Кочеткова пишет: «Козодавлев играл активную роль в издании “Собеседника”, и то, что писал он иногда от имени редакции, было или прямым или косвенным отражением мыслей и взглядов Екатерины».¹⁴ В своей статье Кочеткова обращается к произведениям Козодавлева «К другу моему...» и «Письмо к Ломоносову», которые показывают его преданность взглядам императрицы.

К. Ф. Тарановский в своей монографии «Русские двусложные размеры. Статьи о стихе» упоминает стихи Козодавлева в связи со своим интересом к рифме в стихе XVIII—XIX веков.

Что касается газеты «Северная почта» (1809—1819), С. И. Панов в статье «Еще шишковисты и карамзинисты» (2009)¹⁵ разбирает высказывания Козодавлева в этой газете. Рассматривая контекст столкновений «Беседы любителей русского слова» с «Арзамасом», Панов пишет о том, как эти литературные общества оценивались в «Северной почте».

¹³ Волков Н. Гете в русском театре // Литературное наследство / Под ред. Б. Козьмина и др. М., 1932. Т. 4—6. С. 909—914.

¹⁴ Кочеткова Н. Д. Отзывы о Ломоносове в «Собеседнике любителей русского слова» // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С. 277.

¹⁵ Панов С. И. Еще шишковисты и карамзинисты // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 165—177.

Одним из наиболее важных источников, использованных в нашем исследовании, являются работы А. Ю. Андреева, исследовавшего пребывание русских студентов в немецких университетах. В монографии «Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века»¹⁶ говорится о Козодавлеве как об одном из студентов, учившихся в Лейпциге. В другой своей работе «Университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы» Андреев рассматривает историю развития русских университетов. Он приводит проект устава университета, представленный Козодавлевым Екатерине II в 1787 году. Проект не был тогда реализован, однако некоторые его положения были учтены во время университетской реформы Александра I, уже в XIX веке.

Работы Андреева относятся к историческому исследованию темы «русское образование», так что Козодавлев как литератор в них представлен мало. Однако работы историков помогают уяснить положение русских студентов, учившихся в Европе. С помощью материалов этих монографий можно проследить фон возникшего у Козодавлева интереса к межкультурным связям России и Западной Европы.

Исследования, в которых говорится именно о творчестве Козодавлева, малочисленны, зато для понимания его отношения к немецкой литературе и культуре важны работы, посвященные теме взаимосвязей между русской и западноевропейской литературами.

Для получения представления о развитии литературных направлений в диссертации использована монография «Проблемы исторического развития литератур» П. Н. Беркова¹⁷ и его «Введение в изучение русской литературы

¹⁶ Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М., 2005. С. 201—204, 243, 354 и след.

¹⁷ Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981.

XVIII века»,¹⁸ а также в качестве материала «Очерки из истории русского романа» В. В. Сиповского.¹⁹ Кроме того, П. Н. Берков — автор «Истории русской журналистики XVIII века» (М.; Л., 1952), труда, в котором содержатся ключевые сведения о становлении русских журналов времен Козодавлева. При анализе произведений Козодавлева, помещенных в «Собеседнике», основополагающие понятия о русском сентиментализме дают работы П. А. Орлова «Русский сентиментализм» (1977) и Н. Д. Кочетковой «Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания» (1994). Н. Д. Кочеткова представляет разные типы проявлений тем и мотивов «чувствительности» в произведениях этого времени. Из европейских исследований наиболее востребованной была для нас работа Р. Нойхойзера (Rudolf Neuhäuser) «Towards the romantic age» (1974).

Поскольку было необходимо разработать методологическую базу для изучения творчества Козодавлева, нами были изучены частные аспекты творчества отдельных писателей и развития различных направлений. Для исследования литературных проблем XVIII века, особенно вопросов, связанных с восприятием немецкой литературы и культуры, мы обращались к статьям, опубликованным в сборниках «XVIII век». Это статьи Н. Д. Кочетковой, М. Л. Тронской, которая изучала историю появления русского перевода из М. А. Тюммеля, автора «Вильгельмины», переведенной Козодавлевым, Ю. В. Стенника, В. А. Западова и др., в том числе работы немецких славистов Э. Хексельшнейдера, И. Клейна. Исследования, помещенные в этих сборниках, позволили нам увидеть детальные аспекты темы и определить принципы подхода к творчеству Козодавлева.

¹⁸ *Берков П. Н.* Введение в изучение русской литературы XVIII века. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII века. М.; Л., 1964.

¹⁹ *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1.

Тема немецко-русских литературных связей хорошо разработана литературоведами. В 1960-е годы работы швейцарского русиста П. А. Бранга (P. A. Brang) сыграли важную роль в изучении этой темы на материале интересующего нас периода. Сопоставляя произведения Н. М. Карамзина с произведениями немецких писателей, он установил многие подробности их литературных связей.²⁰

Обзор русско-немецких литературных и культурных взаимосвязей предпринят в статье Э. Дикмана (E. Dickmann) «Deutsch-russische Literatur- und Kulturbeziehungen von der Aufklärung bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts».²¹

В настоящее время Р. Ю. Данилевский рассматривает взаимоотношения немецких писателей и русской культуры. В диссертации обращается особое внимание на его работы, касающиеся темы восприятия в России произведений немецких писателей второй половины XVIII — начала XIX века. Имеются в виду книги «Лессинг и Россия» (2006), «Фридрих Шиллер и Россия» (2013), а также статья «Виланд в русской литературе» (1970). При рассмотрении отношения Козодавлева к немецкой и французской литературе, в частности к Гете, Виланду, Бомарше, мы обратили особое внимание на статью А. Менхеннета (Alan Menhennet) «The “Romanticism” of a Rationalist: Wieland and the Aeronauts» (Lessing Yearbook XIII, 1981), где дан детальный анализ суждений Виланда. В связи с изучением восприятия немецкой литературы и журналов в России в конце XVIII — начале XIX века необходимой оказывается статья Данилевского «Немецкие журналы Петербурга в 1770—1810 гг.» (1980). Также упомянем работу А. Шёнле (Andreas Schönle) «Authenticity and fiction in the russian literary journey 1790—1840» (London, 2000).

²⁰ Brang P. Studien zur Theorie und Praxis der russischen Erzählung. 1770—1811. Wiesbaden, 1960.

²¹ Zeitschrift für Slawistik. 1989. Н. 4. S. 55—553. Также следует принять во внимание работу: Roehr S. A Primer on German Enlightenment. Missouri, 1995.

Все эти материалы помогают осветить фон, на котором протекала литературная деятельность О. П. Козодавлева и дать отчетливую историко-литературную оценку его переводам и самостоятельным произведениям.

Глава 1

Драма И. В. Гете «Клавиго» в переводе О. П. Козодавлева: история и обстоятельства создания перевода

Во второй половине XVIII века к русским читателям пришли многочисленные западноевропейские произведения в виде переводов и переделок. Имя О. П. Козодавлева вписано в историю восприятия творчества Гете в России благодаря его переводу на русский язык драмы «Клавиго», одного из ранних произведений немецкого писателя. Для нас важно, что возможность близко познакомиться с современным ему литературным движением в Европе и в Германии в особенности Козодавлев получил благодаря обучению в Лейпцигском университете, совпавшему по времени с литературным дебютом Гете.

О. П. Козодавлев родился 29 марта 1754 года в Санкт-Петербурге, в семье ротмистра Конногвардейского полка. Его мать Агафья Григорьевна, урожденная Петрова-Соловова, была двоюродной племянницей императрицы Елизаветы Петровны. После потери отца, получив поддержку от своей тетки, Анны Осиповны Бобрищевой-Пушкиной, он начинает служебную карьеру. Мальчик был определен в пажи в 1762 году. В пятнадцатилетнем возрасте по указу Екатерины II Козодавлев был отправлен на учение в Германию, что соответствовало общей тенденции того времени.²²

Среди многих университетов Лейпцигский университет занимал особое место. Туда поступали студенты из разных европейских стран. Он, безусловно, высоко оценивался и в России. Екатерина II решила, по совету графа Г. Г. Орлова (который сам закончил обучение в 1761 году в Лейпциге), сама выбрать подходящих студентов именно для этого университета.

²² Подробнее см.: *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах. С. 201–204.

До Козодавлева в Лейпциг уже была отправлена первая группа, составленная из двенадцати русских студентов, в которую были включены А. Н. Радищев и А. М. Кутузов. Спустя два года после ее отправки, в 1769 году, туда приехали еще двое студентов, одним из которых был Козодавлев. В Петербург он вернулся осенью 1774 года.

Русские студенты обычно учились на юридическом, философском или медицинском факультетах. О том, какую жизнь вел Козодавлев в Лейпциге, известно мало. В опубликованных М. И. Сухомлиновым письмах Козодавлева он обобщенно характеризует свое обучение в Германии: «Будучи я, по высочайшей милости наша премудрая монархини, послан в Лейпцигский университет для обучения таких наук, которые всякому человеку, желающему штатскою службою пользоваться, необходимо нужны, я всеми моими силами старался намерение ее величества исполнить <...>. Я от самых детских лет имел счастье пользоваться щедротами великой моей императрицы, излиянными на мое воспитание. Будучи при дворе ее величества пажем, послан я был в Лейпцигский университет с некоторыми из моих товарищей: тамо приобрел я все то, что меня сделало способным показывать службою мое усердие и благодарность».²³

Во время пребывания в Лейпциге Козодавлев слушал лекции на философском и юридическом факультетах, где читались разные предметы: логика, метафизика, нравственная философия, а также политика, история, литература. Студенты имели возможность знакомиться с наследием античных авторов, таких как Аристотель, Платон, Тацит, Гораций и др.²⁴ На юридическом факультете изучались различные отрасли правоведения: римское, естественное, публичное, церковное, феодальное, уголовное право, а также судопроизводство

²³ Сухомлинов М. И. О. П. Козодавлев С. 14—15.

²⁴ Там же. С. 19.

и история права. В XVIII веке в Лейпцигском университете были учреждены несколько новых кафедр.

Сильное влияние на студентов оказывали такие немецкие профессора, как Эрнст Платнер (Ernst Platner, 1744—1818) и Карл Фердинанд Гоммель (Karl Ferdinand Hommel, 1722—1781). В «Письмах русского путешественника» Карамзина можно найти отзыв об этих знаменитых профессорах.²⁵ В то время в Германии немало литераторов, помимо своей писательской деятельности, занимало в университетах профессорские кафедры. Одним из них был прославленный Кристиан Фюрхтеготт Геллерт (Christian Fürchtegott Gellert, 1715—1769). Этот ученый и писатель преподавал в Лейпцигском университете с 1745 года до смерти, читал лекции по теории поэзии, красноречию и, несомненно, по истории литературы. Его лекции производили на русских студентов сильное впечатление. О Геллерте пишет Радищев в «Житии Фёдора Васильевича Ушакова»: «...таковым щастием пользовались мы хотя не долгое время в Лейпциге, наслаждаяся преподаваниями в словесных науках известного Геллерта. Ты не позабыл, мой друг что Федор Васильевич из всех нас был любезнейший Геллертов ученик...».²⁶ Немецкий профессор и поэт увлек также и А. М. Кутузова, товарища Радищева. Тот позднее перевел статью Геллерта «О приятности грусти».²⁷ Козодавлев, так же как и остальные русские слушатели, был поклонником этого немецкого писателя, о чем сообщают документы, собранные членом Российской академии В. П. Поленовым. Приведем слова Поленова из работы Сухомлинова: Козодавлев «под руководством Геллерта и

²⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 158—165.

²⁶ Радищев А. Н. Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых сочинений // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1938. С. 155—212.

²⁷ Статья долгое время считалась оригинальным сочинением Кутузова, до тех пор, пока П. Бранг не доказал ее принадлежность Геллерту.

других славных ученых мужей, составлявших Лейпцигский университет, приобрел редкие познания в науках и языках».²⁸ Сухомлинов отмечает, что помимо научных занятий, студенты могли участвовать в проходивших в то время в Германии литературно-ученых собраниях или чтениях, организованных разными обществами, деятельность которых должна была привлекать и русских студентов.

Для Козодавлева пребывание в Германии имело очень большое значение. Он смог, в отличие от других русских студентов, отправившихся в Лейпцигский университет в составе группы (включая Радищева, Кутузова и др.), провести учебные годы намного более спокойно и автономно. При этом стоит обратить внимание на известное событие, случившееся с русскими студентами в университете до его приезда в Лейпциг и имевшее печальные последствия для некоторых из них, так называемый «студенческий бунт» (по определению А. Ю. Андреева) 1767 года против инспектора Бокума. Вероятно, бунт также спровоцировал отправку в Лейпциг следующих студентов уже не группами с надзирателем, а самостоятельно.²⁹

По словам того же Андреева, «через Лейпциг в эти годы проезжало много представителей дворянской культурной элиты, контакты которых с русскими студентами представляются весьма вероятными: П. И. Фонвизин, брат драматурга и впоследствии директор Московского университета, С. Г. Домашнев, в будущем директор Академии наук, поэт И. Ф. Богданович, актер и драматург И. А. Дмитриевский. Некоторое время в Лейпциге жил известный военный деятель екатерининского времени, генерал-поручик Н. Е. Муравьев вместе с шурином, драматургом А. А. Волковым. По рассказу Радищева, последний, посещая студентов, сразу оценил, чего стоит их инспектор и много

²⁸ Сухомлинов М. И. О. П. Козодавлев С. 14—15.

²⁹ См. об этом событии в работе Андреева, а также: Арзуманова М. А. Университетские годы А. Н. Радищева // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 433—449.

потешался над хвастовством и жадностью Бокума (тем не менее, один из отпрысков этого семейства, несовершеннолетний Николай Волков в 1770 году был отправлен в Лейпциг на полное попечение майора). Как уже было сказано, состав молодых дворян в Лейпцигском университете не оставался постоянным, на открывающиеся вакансии из Петербурга присылали новых студентов с тем, чтобы полное их число равнялось двенадцати, на которых и выделялось жалование. Так, осенью 1767 года приехал старший сын статс-секретаря Екатерины Дмитрий Олсуфьев. Через год количество студентов вновь уменьшилось на одного человека: младший из братьев Ушаковых, Михаил, по собственному прошению получил разрешение вернуться в Россию. Он уехал из Лейпцига 8 сентября 1768 года и, как можно понять из документов следственного дела и рассказов Радищева, действительно, был наименее прилежным и мечтал от университетской учебы скорее перейти к военной службе. На место Ушакова из Пажеского корпуса был назначен Осип Козодавлев, а вместе с ним прибыл и младший сын А. В. Олсуфьева Сергей, помещенный в дом к Бокуму, но считавшийся “на отцовском содержании” (оба приняты в студенты университета 21 апреля 1769 года). Осенью того же 1769 года в Лейпциг приехали и еще два русских студента, не присоединившиеся, однако, к общей группе и учившиеся за свой счет — Николай Хлопов и Алексей Теплов (сын Г. Н. Теплова, переведшийся в Лейпциг из Кильского университета)». ³⁰

Козодавлев приехал в Лейпциг через два года после дела Бокума, и ему не пришлось участвовать в «бунте» или пережить там жизненный кризис. Иными словами, обстановка для обучения была более благоприятной, что позволило ему сосредоточиться на приобретении знаний, а также свободно знакомиться с литературной жизнью Лейпцига. У Радищева от жизни в Германии были, по-видимому, несколько иные впечатления, как это видно из его «Жития Федора

³⁰ Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах. С. 201—202.

Васильевича Ушакова», опубликованного в 1789 году и повествующего о его друге, скончавшемся в Лейпциге от тяжелой болезни. Как бы то ни было, история с Бокумом отложилась в его памяти.

Что касается Козодавлева, человека совсем иного склада, чем Радищев, то он энергично пополнял свои знания, и у него сложился более спокойный взгляд на идеи Просвещения и проблему образования, отчасти и потому, возможно, что он попал Лейпциг не в «период Бокума».

Вернувшись в Россию в 1774 году, Козодавлев продолжил карьеру, служа протоколистом в Сенате в чине капитана, потом, через три года, его выдвинули на место экукутора в чине полковника. В 1780 году он перешел на должность советника Санкт-Петербургской гражданской палаты. А его имя стало появляться в этот период и на литературном поприще.

Не случайно большинство литературных произведений Козодавлева приходится на 1780-е годы, особенно на их первую половину. Это были годы активной литературной и академической жизни в русском обществе. Упомянем несколько важных тенденций этого времени. Императрица поддерживала переводческие работы с французского, немецкого, английского языков. В 1783 году была учреждена Российская академия, директором которой стала Е. Р. Дашкова. Козодавлев, назначенный одним из членов Академии, стал участвовать во многих ее предприятиях. Тогда же появился указ Екатерины II, касавшийся книжного и издательского дела и оказавший на книгоиздание и книготорговлю особое влияние — указ от 15 января 1783 года «О позволении во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках, с освидетельствованием оных от управы благочиния». Он покончил с государственной монополией на книгопечатание и предоставлял право частным лицам заводить собственные типографии. В 1783 году Дашкова занималась вопросами книжной торговли вместе с В. А. Ушаковым и

Козодавлевым, которые оба были назначены советниками Российской академии.³¹

Усердно занимаясь переводческой работой еще до появления Российской академии, Козодавлев опубликовал в своем переводе драму И. В. Гете (Johann Wolfgang Goethe, 1749—1832) «Клавиго» («Clavigo», 1774), комедию И. Я. Энгеля (Johann Jakob Engel, 1741—1802) «Der Diamant» («Диамант») под названием «Перстень»; а также не бывшую переводом в полном смысле слова комедию «Нашла коса на камень» (1781) — подражание комедии Лафонтена «A femme avare galant escroc» (Jean de La Fontaine, 1621—1695). Из трех указанных пьес первые две — в том числе «Клавиго» — ставились на сцене в Германии во время пребывания там Козодавлева.

Гете стал знаменитостью на своей родине после публикации трагедии «Гёц Фон Берлихинген» («Götz von Berlichingen», 1773), которая посвящена историческому персонажу — рыцарю Гёцу (XV—XVI века). К концу XVIII века слава Гете среди читателей всей Европы упрочилась благодаря роману «Страдания молодого Вертера» («Die Leiden des jungen Werthers», 1774). Сразу после выхода в свет «Вертер» был переведен с немецкого — во Франции в 1775 году, в Англии — в 1779 году. Пользовался успехом он и в России. Еще до издания русского перевода роман был известен всем, кто умел читать по-немецки. Как и по всей Европе, «Вертер» производил на русскую публику сильное впечатление. Несмотря на известность этого романа, в России он, в отличие от других стран, был переведен не первым из произведений Гете. Первым русским переводом из Гете оказалась драма «Клавиго», которая была написана в том же году, что и «Вертер». Ее переводы на западноевропейские языки состоялись много позже, чем «Вертера»: во Франции — в 1782 году, в

³¹ См.: *Зайцева А. А.* Книжная торговая в Санкт-Петербурге второй половины XVIII века. СПб., 2005. С. 91—97.

Англии — в 1790 году.³² В России же перевод «Клавиго» стараниями Козодавлева появился раньше, чем в других странах — в 1780 году, за год до опубликования русского перевода «Вертера».

Козодавлевский перевод «Клавиго» занимает значительное место в истории восприятия творчества Гете в России. И хотя этой теме посвящены многочисленные исследования, ни исторические обстоятельства, сопутствующие первому переводу из Гете, ни сам переводчик не вызывали до сих пор особого интереса исследователей. В данной главе мы попытаемся ответить на следующий вопрос: почему Козодавлев перевел из всех произведений молодого Гете именно драму «Клавиго»?

Обычно в исследованиях среди причин обращения Козодавлева к «Клавиго» называются две, и обе представлены в классической монографии В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе» (1937).³³

Во-первых, там говорится, что Козодавлев заинтересовался драмой «Клавиго» именно потому, что она была написана создателем «Вертера». Это мнение, как мы увидим ниже, опирается на предисловие Козодавлева к переводу «Клавиго», в котором он называет Гете «автором Вертера».³⁴ По словам Жирмунского, «если Козодавлев обратил внимание на “Клавиго” и счел нужным познакомить с ним русского читателя, то это в значительной мере потому, что Гете был ему известен как автор “Вертера”».³⁵ Жирмунский указывает также на вторую причину появления перевода «Клавиго», а именно на то, что Козодавлев стремился предложить русской публике произведение

³² The Oxford Guide to Literature in English Translation. Ohio: Oxford university press, 2000. P. 318—319.

³³ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 29—34.

³⁴ Козодавлев О. П. Предисловие // Клавиго, трагедия господина Гете / Пер. О. П. Козодавлева. 2-е изд. СПб., 1780. С. 1.

³⁵ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 33.

вошедшего в моду в Европе жанра «мещанской драмы», который, однако, был еще мало распространен в России.³⁶ Большинство других авторов, упоминавших перевод «Клавиго», придерживались того же мнения.³⁷ Нам представляется, что оба эти суждения нуждаются в уточнении.

Действительно, ко времени публикации перевода «Клавиго» Гете уже обладал репутацией автора «Вертера» среди тех, кто познакомился с этим романом в подлиннике. Однако из этого никак не следует, что к переводу драмы Козодавлева привлекло именно данное обстоятельство. Комментируя вторую причину обращения Козодавлева к пьесе «Клавиго», отметим, что ее жанр в истории русской драматургии лишь впоследствии был определен как «мещанская трагедия». В монографии по истории московского театра М. Е. Мадоккса (Медокса), изданной в 1920-е годы, «Клавиго» квалифицируется, наряду с «Беверлеем» («Beverley», 1768) Б.-Ж. Сорена (Bernard-Joseph Saurin, 1706—1781) и «Сарой Сампсон» («Miss Sara Sampson», 1755) Г. Э. Лессинга (Gotthold Ephraim Lessing, 1729—1781), как одна из «мещанских трагедий».³⁸ Однако в современном переводе «Драматическом словаре» (1787) она была названа просто «трагедией». При этом в том же словаре уже были отмечены пьесы, хотя их было и немного — всего восемь, чей жанр был определен как «мещанская трагедия» (в том числе «Человеколюбие, или Картина бедности», «Беверлей», «Лондонский купец, или Приключения героя Барневеля»)³⁹ Таким образом, репертуар жанра «мещанской трагедии» еще не был устоявшимся в русской драматургии 1770—1780-х годов, и «Клавиго» не сразу был отнесен

³⁶ Там же. С. 31.

³⁷ См., например: *Волков Н.* Гете в русском театре // *Литературное наследство* / Под ред. Б. Козьмина и др. М., 1932. Т. 4—6. С. 909—914.

³⁸ См.: *Чаянова О.* Театр Маддокса в Москве, 1776—1805. М., 1927. С. 243—244.

³⁹ *Драматический словарь.* М., 1787. С. 68—69.

именно к этому жанру. Мы видим, что интереса к новому жанру недостаточно для объяснения появления перевода «Клавиго».

Если говорить о причинах обращения Козодавлева к тому или иному переводу, то, кроме «Клавиго», он занимался, например, переводом сатирической поэмы М. А. фон Тюммеля (Moritz August von Thümmel, 1738—1817) «Вильгельмина» («Wilhelmine», 1764) — по поручению императрицы. М. Л. Тронская в статье «Герои-комическая поэма М. А. Тюммеля в русском переводе» обращает внимание на отзыв Екатерины II об этом немецком авторе и на ее роль в появлении русского перевода. Как указывает Тронская, «поэма настолько понравилась Екатерине, что она в 1790-х годах цитирует слова Тюммеля о шарлатанах, радуется получению его новой книги».⁴⁰

Получив поручение императрицы, Козодавлев перевел поэму на русский с большой аккуратностью, при этом он переписывался с самим автором. Он писал Тюммелю, что если его поэму «читали во Франции, то естественно, что знатоки немецкой литературы в России желают получить перевод этой превосходной поэмы».⁴¹ На его письмо Тюммель ответил выражением радости по поводу публикации своего произведения в русском переводе. Приведем отрывок письма Тюммеля: «Я не знаю ни одной буквы Вашего языка и не могу в Вашем переводе прочесть своего собственного имени, — писал Тюммель Козодавлеву. — А какой радостью было бы для меня, если б я знал язык, если б я мог следовать за Вами, наблюдая, как Вы в Вашем переводе преодолевали многочисленные трудности и сталкивали язык с языком».⁴²

Письмо Тюммеля было помещено на страницах журнала «Санкт-Петербургский вестник». К этому добавим, что отклик на перевод Козодавлева,

⁴⁰ Тронская М. Л. Герои-комическая поэма М. А. Тюммеля в русском переводе // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. Л., 1966. С. 184.

⁴¹ Там же. С. 183.

⁴² Там же. С. 185.

хотя и небольшой, был опубликован в немецкой петербургской газете «St-Petersburgische Bibliothek der Journale» (1784, Bd 5). Тронская приводит оценку газеты: «...перевод ни в чем не уступает оригиналу».⁴³ По сравнению с этим кратким отзывом, высказывание в журнале «Зеркало света» подробнее: «Особливо достойно примечания помещенное в июле месяце на 93 странице письмо тайного советника Тюммеля, писанное из Готы к Осипу Петровичу Козодавлеву. Известно читателям о прекрасном переводе “Вильгельмины”, в котором г. Козодавлев свойственной ему кистью выразил превосходно все красоты немецкого подлинника».⁴⁴

Исходя из этих данных, можно сказать, что переводческая работа над «Вильгельминой», по крайней мере в некоторой степени, имела значение, так сказать, как дипломатическо-политическая «реклама».

Попробуем по-новому взглянуть на первый русский перевод трагедии «Клавиго» посредством анализа текста, а также истории его появления и биографии переводчика.

Особенность трагедии «Клавиго» в контексте драматургии той эпохи состоит в том, что ее сюжет не был вымышленным, а, как свидетельствует сам Гете, основывался на одном из эпизодов «Мемуаров» («Mémoires», 1774) П.-О. Карона де Бомарше (Pierre-Augustin Caron de Beaumarchais, 1732—1799).⁴⁵ В «Мемуарах» рассказывается, как Бомарше приезжает в Мадрид, чтобы наказать Клавиго, жениха своей сестры Марии. Хозе Клавиго-и-Фахардо (Clavijo y Fajardo, 1730—1806) был уроженцем Канарских островов, который добился успеха при испанском дворе изданием журнала «El Pensador» («Мыслитель»), в духе английских моралистических журналов («The Spectator» и др.). Бомарше

⁴³ Там же. С. 186.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Beaumarchais Pierre A. C. de. Quatrième Mémoire à consulter. Paris, 1774. P. 64—76.*

был намерен разоблачить бесчестность Клавихо, оставившего Марию, и ему это удалось сделать, получив поддержку от испанского короля.

Как видно из сюжета отрывка, его героем является Бомарше, а история сама по себе оказывается «приключением Бомарше» (Козодавлев так называет этот эпизод в предисловии к своему переводу «Клавиго»⁴⁶). Что касается гетевского «Клавиго», то Гете оставил воспоминание о возникновении замысла в своих мемуарах «Поэзия и правда»: в марте 1774 года на собрании у своего друга он прочитал вслух присутствующим отрывок из «Мемуаров» Бомарше. Услышав чтение Гете, они рекомендовали написать на его основе пьесу.⁴⁷

Хотя в некоторых сценах драмы почти дословно повторяются диалоги персонажей «Мемуаров», Гете сильно изменил эпизод и по сюжету, и по характерам персонажей, в результате чего «приключение Бомарше» превратилось в «трагедию Клавиго». Приведем несколько примеров.

В драме «Клавиго», в центре истории находится Клавиго, а не Бомарше. Неверность Клавиго осуждается, но акцент переносится на его страсть и душевные колебания, в результате чего он играет в драме роль «чувствительного героя». Что касается образа Бомарше, Гете подчеркнул его слишком бурный и высокомерный характер. Его героизм в драме изображен с ироническим и даже сатирическим оттенком. Следует отметить, что автор «Клавиго» ввел в эту трагедию вымышленное действующее лицо — испанца Карлоса, друга Клавиго. Этот Карлос, который в «Мемуарах» не упоминается, критикует эксцентрические поступки Бомарше:

⁴⁶ См.: Козодавлев О. П. Предисловие // Клавиго, трагедия господина Гете. С. 2.

⁴⁷ Гете И. В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 3: Из моей жизни. Поэзия и правда.

«*Carlos*: Das letzte war das gescheuteste, wer wird sein Leben gegen einen so romantischen Fratzen wagen». ⁴⁸

Перевод:

«*Карлос*: Это самое разумное, кто станет жертвовать жизнью, имея дело с такой романтической рожей!»

И еще одна черта отличает это произведение: бурная чувствительность, кипящая в нем, обнаруживает свои психологически опасные, отрицательные черты намного прямее, чем в «Вертере». Читателям драмы должно было показаться, что слепое пристрастие Бомарше к справедливости и чести оказывается вредным даже для его семьи: после повторного обмана Клавиго Мария умирает от сердечного приступа, но логика пьесы подсказывает, что наиболее вероятной причиной смерти было не предательство жениха, а страх перед бурной яростью брата, на что намекают горестные слова Софии, сестры Бомарше и Марии:

«*Marie*: Fliehe, mein Bruder!

Beaumarchais: Nein, hab ich ihn, ich muss ihn haben! hätte ich ihn lebendig, und an einen Pfahl gebunden stückweise seine Glieder ablösen, vor seinem Angesichte braten und mir's schmecken lassen, und euch auftischen, Weiber!

Sophie: Führ ihn weg, er bringt seine Schwester um» (S. 71).

Перевод:

«*Мария*: Беги, брат!

⁴⁸ Мы пользовались первым изданием «Клавиго» Гете (*Goethe J. W. Clavigo, ein Trauerspiel. Frankfurt; Leipzig, 1774. S. 34*). Далее ссылки на него приводятся в тексте с указанием номера страницы.

Бомарше: Нет, он — мой, я его должен поймать! Вот бы мне захватить его живьем, привязать к столбу, отрезать от него куски, зажарить их на его глазах и отведать их, да и вам предложить, женщины!

София: Уведи его, он погубит сестру свою».

После смерти Марии София упрекает брата:

«*Sophie:* So bleib, und verderb' uns alle, wie du Marien getötet hast. Du bist hin, o meine Schwester! durch den Unbesonnenheit deines Bruders. <...>. Gib mir sie wieder ! Und dann geh in Kerker, geh aufs Martergerüst, geh, vergieße dein Blut, und gib mir sie wieder» (S. 72—73).

Перевод:

«*София:* Что ж, оставайся и губи всех нас, как ты убил Марию. Ты погибла, о сестра моя, из-за неразумности твоего брата. <...>. Возврати мне ее! А потом ступай в темницу, ступай на пыточный помост, ступай, забудь о своих кровных родных, и возврати мне ее».

Виновными в смерти Марии оказывается не только Клавиго, но и Бомарше с его страстно-героическим до жестокости характером. На основе таких серьезных изменений можно высказать предположение, что в художественную задачу драмы Гете входило и пародирование возвышенного образа автора «Мемуаров» Бомарше.

По мнению английского критика и писателя Дж. Г. Льюиса (1817—1878), автора монографии о Гете, драматург относился к персонажу Бомарше в «Мемуарах» как к характеру отрицательному, т. е. считал, что «those characters so frequently represented, from revenge, or from hate, or from trivial motives, ruin a

noble nature» («эти свойства столь часто показывают нам, как месть или ненависть, или низменные мотивы портят благородный характер»)⁴⁹

В книге Льюиса, между прочим, высказано предположение о том, что отношения между Карлосом и Клавиго напоминают отношения между Мефистофелем и Фаустом — героями будущей трагедии Гете «Фауст». Ранний фрагмент этой трагедии был написан в 1770-х годах («Пра-Фауст», «Urfaust»), тогда же, когда была издана и драма «Клавиго» (1774).

Бомарше, автор «Мемуаров», не обрадовался этой гетевской «переделке» своей истории с Клавихо, первую сцену которой он посмотрел в Гамбурге в 1780 году.⁵⁰ Этот факт подтверждает, что «Клавиго» имеет скрыто-сатирический характер.

Для полноты картины стоило бы обратить внимание на то, что ирония в драме Гете распространяется не только на Бомарше, но и на французскую культуру вообще. Например, Карлос в диалогах с Клавиго описывает его бывшую невесту Марию следующим образом:

«Man fragt, man guckt, man geht zu gefallen, man wartet, man ist ungeduldig, erinnert sich immer des stolzen Clavigos, der sich nie öffentlich sehn ließ, ohne eine stattliche, herrliche, hochhäugige Spanierin im Triumph aufzuführen, deren volle Brust, ihre blühenden Wangen, ihre heißen Augen, all, alles die Welt rings umher zu fragen schien: bin ich nicht meines Begleiters wert? Und die in ihrem Uebermuth den seidnen Schlepprock so weit hinten aus in Wind segeln ließ, als möglich, um ihre Erscheinung ansehnlicher und würdiger zu machen? — Und nun erscheint der Herr — und allen Leuten versagt das Wort im Munde — kommt angezogen mit seiner

⁴⁹ *Lewis G. H. The Life and Works of Goethe: With Sketches of His Age and Contemporaries from Published and Unpublished Sources. Leipzig, 1864. Vol. 1. P. 161.*

⁵⁰ *Goethe-Handbuch. Stuttgart: Metzler, 1996. Bd 2. S. 120.*

trippelnden, kleinen, hohläugigen Französin, der die Auszehrung aus allen Gliedern spricht, wenn sie gleich ihre Totenfarbe mit weiß und rot überpinselt hat» (S. 58).

Перевод:

«Расспрашивают, дивятся, выведывают, ждут, все в нетерпении, представляют себе гордого Клавиго, который никогда не показывался на людях, чтобы не вести торжественно под руку какую-нибудь великолепную, надменную испанку, чья высокая грудь, яркие щеки, пылающие очи, казалось, спрашивали всех вокруг: “разве я не стою своего кавалера?” И которая шелковый шлейф своего платья с гордостью развевала по ветру как можно шире, чтобы придать себе величия и значительности. И вот сударь появился — и у всех слова застряли в горле — явился при всем параде со своей семяющей, малорослой француженкой, глазки запавшие, от всей тощей фигурки веет болезненностью, хотя она и закрасила мертвенную бледность лица белыми и красными румянами».

В словах действующих лиц проявляются и непосредственные нападки на Францию. Карлос угрожает погубить Бомарше, донеся суду, что тот прибыл в Мадрид тайно и, следовательно, как француз замышляет дурное против испанца.

«*Carlos*: ...Das bricht ihm den Hals, er soll erfahren, was das heißt, einen Spanier mitten in der bürgerlichen Ruhe zu befehlen» (S. 60).

Перевод:

«*Карлос*: ...Тут ему и конец, он узнает, что значит напасть на испанца, законно наслаждающегося покоем».

Итак, в тексте имеются признаки отрицательного отношения персонажа к французам, сам эпизод включает в себя тему столкновения испанцев с

французской семьей, так что можно сказать, что в драме «Клавиго» некоторым образом сталкиваются Испания с Францией. Выскажем догадку, что здесь речь идет о *зачатках* литературного отражения сложных межнациональных отношений между несколькими территориями, или странами, или культурами — Испанией, Францией и даже Канарскими островами (в этот круг вовлечена косвенно и английская культура, через издание Клавихо журнала под английским влиянием), а подспудно — и Германией (хотя в драме нет прямых указаний на это, кроме того факта, что она написана рукой немца Гете). Зерном этих сопоставлений служит, на наш взгляд, стремление немецкой литературы самоутвердиться в Европе, избавившись от рабского следования литературным образцам и в первую очередь — от галломании.

Учитывая такие многослойные отношения, поставим вопрос о присутствии в этой драме Гете темы «межкультурного сопоставления», в основе которого лежит двойная структура, составленная из текстов разных культур, отражающая, конечно, соотношение произведения Бомарше и драматической версии Гете. Характер «Клавиго» как отражения истории «межкультурного сопоставления» должен показаться интересным тому, кто осознает присутствие «двойной структуры» в этой драме, даже если ему незнакомо само понятие. Мы предполагаем, что Козодавлев прекрасно понял эту особенность драмы Гете.

Напомним, что Козодавлев учился в Лейпцигском университете с 1769 по 1774 год. В последний год его пребывания в Лейпциге были изданы два упомянутых произведения: в феврале был выпущен четвертый том «Мемуаров» Бомарше, в котором рассказана история Клавихо, а через три месяца увидела свет драма «Клавиго». Ее читали и обсуждали как появившееся в печати произведение яркого молодого таланта. Впервые она была поставлена на сцене в Гамбурге, в августе того же года.

Роман «Страдания молодого Вертера» был издан в том же году, но только в сентябре, через месяц после постановки «Клавиго» на сцене. Насколько

известно, Козодавлев уехал в Россию осенью, и вернулся в Санкт-Петербург в ноябре 1774 года, то есть его уже не было в Германии в тот момент, когда «Вертер» начал привлекать общее внимание читателей.

В труде М. И. Сухомлинова по истории Российской академии говорится, что Козодавлев, изучая в Лейпциге философию и юридическую науку, горячо увлекался немецкой литературой.⁵¹ И хотя Гете, который также учился в Лейпцигском университете, уже уехал в Веймар к тому времени, когда Козодавлев появился в Лейпциге, однако очень вероятно, что в то время, когда там училась группа студентов, в которую входил Радищев, Гете посещал те же лекции, что и они. Имя Гете должно было обратить на себя внимание русских студентов, в том числе — Козодавлева. А еще, по нашему мнению, этому молодому любителю литературы должна была быть знакома не только драма «Клавиго», но и ее литературная основа — «Мемуары» Бомарше.

В отличие от большинства русских читателей, узнавших о Гете только после опубликования «Вертера», у Козодавлева, как мы полагаем, остались более яркие впечатления от Гете как автора «Клавиго», чем как от создателя «Вертера». Он находился в обстоятельствах, которые позволили ему узнать и понять главную тему «Клавиго». Учитывая время пребывания Козодавлева в Германии, совпавшее со временем выхода «Мемуаров» Бомарше и «Клавиго», позволим себе предположить, что именно это стало одной из причин выбора пьесы для перевода. То есть, если бы Козодавлев уехал из Германии раньше или позже, его интерес к «Клавиго» был бы намного меньше.

В связи с тем, что Козодавлев явился современником и в определенной степени, условно говоря, свидетелем процесса рождения «Клавиго», особый интерес представляет факт существования вариантов драмы.

Неизвестно, каким изданием пользовался Козодавлев при переводе; этот вопрос остается невыясненным. Отметим, что в коллективной монографии

⁵¹ Сухомлинов М. И. О. П. Козодавлев. С. 14—15, 23—25, 311, и т. д.

«История русской переводной художественной литературы» упоминается лишь о различиях между оригиналом «Клавиго» Гете и переводом Козодавлева. Сравнивая два текста, исследователь (Ю. Д. Левин) высказывает предположение, что Козодавлев намеренно изменил финал для того, чтобы подчеркнуть трагический оттенок ситуации.⁵² Однако мы уверены, что на самом деле Козодавлев перевел пьесу в полном соответствии с имевшимся в его распоряжении оригиналом. Наше мнение основано на наличии вариантов «Клавиго».

Ко времени выхода перевода Козодавлева существовало, по крайней мере, два варианта драмы. Главное различие между ними заключалось именно в финале. В четвертом действии Мария, узнав, что Клавиго уже после раскаяния снова обманул ее, умирает от горя. В пятом действии Клавиго случайно попадает на похороны Марии. Ему приходится драться на дуэли с Бомарше, он соглашается на поединок, словно намеревается умереть, и погибает. После этого Бомарше пришлось бежать из Испании как преступнику, обвиненному в убийстве испанского чиновника.

Приведем финалы двух вариантов гетевского «Клавиго». Первый вариант:

«Clavigo: Ich hab ihre Hand! Ihre kalte Totenhand! Du bist die Meinige — Und noch diesen Bräutigamskuß. Ah!

Sophie : Er stirbt. Rette dich, Bruder!

Beaumarchais: (faßt Sophien um den Hals).

Sophie: Ich vergehe» (S. 57).

Перевод:

«Клавиго: Вот ее рука! Холодная, мертвая рука! Ты — моя, прими этот поцелуй от жениха. Ах!

⁵² История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век / Под. ред. Ю. Д. Левина и др. СПб., 1996. Т. 2: Драматургия. Поэзия. С. 52—53.

София: Он умирает. Спасайся, брат!

Бомарше (обнимает Софию).

София: Изнемогаю».

Второй вариант:

«*Clavigo*: Ich hab ihre Hand! Ihre kalte Totenhand! Du bist die meinige — Und noch diesen Bräutigamskuß. Ah!

Sophie: Er stirbt. Rette dich, Bruder!

Beaumarchais fällt Sophien um den Hals. Sophie umarmt ihn, sie zugleich eine Bewegung macht, ihn zu entfernen».⁵³

Перевод:

«*Клавиго*: Вот ее рука! Холодная, мертвая рука! Ты — моя, прими этот поцелуй от жениха. Ах!

София: Он умирает. Спасайся, брат!

Бомарше бросается в объятия Софии. София обнимает его и одновременно жестом просит его бежать».

Как видно, во втором варианте София энергичнее заботится о спасении брата. Перевод Козодавлева:

«*София*: Он умирает. Спасайся, братец!

Бомарше: (упадает на Софию)

София: Мой дух изнемогает».⁵⁴

⁵³ *Goethe J. W. Clavigo* // *Goethe J. W. Sämtliche Werke*. München, 1776. Bd 2. S. 400.

⁵⁴ *Гете И. В.* Клавиго, трагедия в V действиях. [1-е изд.] / Пер. О. Козодавлева. СПб., 1780. С. 86. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием номера страницы.

Очевидно, что перевод Козодавлева совпадает с окончанием первого варианта «Клавиго». Он не придумывал нового конца, а просто опирался на первое издание. Конечно, возможно, что Козодавлев намеренно выбрал первый вариант, отдав ему предпочтение перед вторым. В то же время можно предположить, что первое издание было более доступным, а может быть, и более привычным для Козодавлева из-за спектакля, который был поставлен во время его пребывания в Лейпциге. Как бы то ни было, мы теперь знаем, что переводчик обратился к первому изданию «Клавиго» и не изменял оригинального финала этой драмы.

Добавим, что в XIX веке «Клавиго» Гете несколько раз переводился на русский язык на основе не первого, а второго варианта, который и в настоящее время более известен в России.⁵⁵

Насколько нам известно, Козодавлев в течение своей жизни ничего не писал о «Клавиго»; исследователи опираются лишь на его высказывания в предисловии к переводу: «Сочинитель сея переведенных мною трагедии, приобрел не только в Германии, но и во всем ученом свете великую славу своими сочинениями. “Страдания молодого Вертера”, сие прекрасное произведение его пера, сравнивало его с лучшими немецкими писателями так, как и прочие его творения заслужили весьма великую от всех знающих людей похвалу. Г. Гете во всех сочинениях своих подражал единой натуре, и не следовал правилам, удаляющим оную от глаз писателей, и полагающим весьма тесные духу их пределы».⁵⁶ Это высказывание, как мы отметили выше, и

⁵⁵ Что касается истории перевода «Клавиго» в XIX веке, то следует отметить, что в 1830—1840-х годах драму перевел А. М. Кони и именно второй ее вариант. Несколько лет спустя А. Н. Струговщиков сделал новый перевод, также опираясь на тот же второй вариант оригинала (*Гете И. В.* 1) Клавиго, трагедия в 5 действиях / Пер. А. М. Кони. СПб., 1836; 2) Клавиго, драма в 5-и действиях, сочинение Гёте / Пер. А. Н. Струговщикова. СПб., 1840).

⁵⁶ Козодавлев О. П. Предисловие // Клавиго, трагедия господина Гете. С. 1.

послужило основанием для предположения, что Козодавлев прежде всего хотел познакомить читателей с сочинением автора «Вертера». Однако стоит обратить внимание на то, что в том же предисловии Козодавлев упоминает «Мемуары» Бомарше: «...приключение господина де Бомарше, служившее основанием следующей трагедии, случилось в Испании в 1764 году; расположение и слог ее соответствуют тогдашнему состоянию действующих лиц и месту действия».⁵⁷ Козодавлев, таким образом, пробуждал интерес читателей не только к автору «Вертера», но и к автору «Мемуаров».

Козодавлев написал два разных предисловия к двум изданиям перевода «Клавиго». Исследователи чаще опираются на предисловие ко второму изданию, более пространное. Но и в предисловии к первому изданию «Клавиго» упоминаются мемуары Бомарше. Оно начинается со следующих слов: «Содержание сия трагедии основано на происшествии, случившемся с господином Бомарше в 1764 году в Испании, которое он сам и описал; описание сие ныне и на российский язык переведено и напечатано в ежемесячном, великия похвалы достойном издании, называемом “Санкт-Петербургский вестник”» (с. 1). Первое предисловие Козодавлева короче второго, зато в нем он пишет более подробно о «Мемуарах» Бомарше и даже отсылает читателей к изданию перевода этого произведения в России.

Что касается отражения творчества французского комедиографа в России, то в 1770 году была переведена с французского на русский язык и поставлена на сцене комедия Бомарше «Евгения». Затем, в 1778 году, на страницах журнала «Санкт-Петербургский вестник» появился отрывок из «Мемуаров».⁵⁸ Там был опубликован именно эпизод с Клавихо.

⁵⁷ Там же. С. 2—3.

⁵⁸ *Бомарше П.-О. Карон де. Путешествие в Испанию // Санкт-Петербургский вестник. 1778. Июль. С. 326.*

12 мая 1780 года в России состоялась новая постановка комедии Бомарше. Через два месяца после этого появилось объявление об издании двух новых книг, одной из которых и был перевод драмы «Клавиго».⁵⁹ Возможно, публикация перевода «Клавиго», анонсированная в том же журнале, была спровоцирована появлением имени Бомарше, заинтересовавшим русских читателей.

Изучая перевод «Клавиго», можно утверждать, что Козодавлев перевел эту пьесу на русский в целом довольно точно. Это оценили и его современники. По сравнению с Ф. А. Галченковым, который год спустя перевел «Вертера» и допустил много ошибок,⁶⁰ Козодавлев показал себя умелым переводчиком. Он строго следовал оригиналу, как в том, что касалось сюжета, так и в характеристиках персонажей. Некоторые упрощения в выражении чувств можно объяснить, опираясь на слова Жирмунского, тем, что «русская проза до Карамзина не имеет подходящих оборотов речи для передачи эмоционального стиля сентиментальной драмы, тем более — для страстной напряженности и аффекта, характеризующих речь драматических персонажей в эпоху “бури и натиска”».⁶¹ Жирмунский, впрочем, отмечает, что трагедия «в Германии была воспринята в свое время как некоторый отказ от эксцессов драматургии эпохи “бури и натиска”...».⁶² Выбор «Клавиго» для перевода, таким образом, получает дополнительную мотивировку: пьеса оказывается предостережением тем русским читателям, кто будет читать «Вертера» (чрезмерная чувствительность опасна!).

⁵⁹ Санкт-Петербургский вестник. 1780. Ч. VI. С. 58—60. Другом произведением являлась, между прочим, трагедия «Ельфрида» Ф. Ю. Бертуха.

⁶⁰ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 35—63.

⁶¹ Там же. С. 32.

⁶² Там же. С. 31.

Можно констатировать, что помимо такого смягчения выражения чувств, Козодавлев заботился и о том, чтобы читатели лучше поняли драму с психологической стороны. Например, в подлиннике Мария несколько раз сравнивается с ангелом. Друг семьи Буэнко, упрекая Клавиго в неверности, говорит: «Er soll diesen Engel noch besitzen» (S. 38) («Он будет иметь сего ангела», с. 42); Клавиго говорит Марии, после того как он помирился с семьей Бомарше: «Tausend Küsse dem Engel» (S. 44) («Ангела моего тысячу раз целую», с. 49); в разговоре с Карлосом после примирения с семьей Бомарше Клавиго восклицает: «Es ist ein Engel!» (S. 44) («Она ангел», с. 52); Карлос замечает: «Ein Kammermädchen zu heuraten, weil sie schön ist wie ein Engel!» (S. 52) («Если кто женится на горничной девушке для того, что она так хороша, как ангел...», с. 57).

Очевидно, что Козодавлев сохранил в своем переводе слово «ангел» по отношению к Марии. Гете, однако, один раз воспользовался словом «ангел» и в применении к Бомарше: во втором действии, когда Бомарше приезжает к сестрам Марии и Софии в Мадрид, Буэнко говорит ему: «Seien Sie willkommen wie ein Engel, ob Sie uns alle gleich beschämen!» (S. 12) (дословно: «Добро пожаловать, вы — ангел, хотя вы всех нас устыдили!»). Козодавлев перевел слова Буэнко по-другому и даже несколько изменил их смысл. В его переводе это место выглядит так: «Это похвально, и я вам хороший успех желаю, хотя вы нас сим поступком в стыд приводите» (с. 15). Переводчик опустил слово «ангел» и, как можно заключить, сделал это намеренно. Это сравнение явно не подходило к характеристике Бомарше.

Приведем другой пример, который показывает, как тщательно Козодавлев переводил эту драму. Во втором действии Клавиго признает себя виновным, и Бомарше заставляет его написать документ, в котором он сознается в своем низком поступке. После этого Клавиго просит Бомарше подождать с публичным оглашением письма.

«*Clavigo*:...Nur versprechen Sie mir, nicht eher Gebrauch davon zu machen, *bis* ich im Stande gewesen bin, Donna Maria von meinem geänderten reuvollen Herzen zu überzeugen. *Bis* ich mit ihrer Ältesten ein Wort gesprochen, *bis* diese ihr gütiges Vorwort bei meiner Geliebten eingelegt haben. So lang, mein Herr.

Beaumarchais: Ich gehe nach Aranjouez.

Clavigo: Gut denn, *bis* Sie wiederkommen, so lange bleibt die Erklärung in Ihrem Portefeuille, hab ich meine Vergebung nicht, so lassen Sie Ihrer Rache vollen Lauf» (S. 28—29).

Козодавлев перевел это место следующим образом:

«*Клавиго*: ...только обещайте мне не прежде им воспользоваться, *пока* я донну Марию о моем переменяющемся и раскаявшемся сердце не удостоверю; *пока* я со старшею вашею сестрицею не переговорю, *пока* она милости мне не сделает и не будет предстательствовать за меня у предмета любви моей, до тех пор государь мой!

Бомарше: *Пока* не возвращусь я из Аранжуеца.

Клавиго: Пускай до вашего возвращения останется сие объявление в вашей записной книжке; а когда я прощен не буду, тогда не удерживайте стремления мщения вашего» (с. 32).

Козодавлев воспроизводит повторение слова «пока» (это слово, как и соответствующее немецкое «bis», выделено нами курсивом), сохраняя и эмоциональный накал и, так сказать, «юридическую» конкретность реплик.

Следует напомнить о том, что Козодавлев-переводчик в иных случаях вовсе не придерживался принципа верности перевода подлиннику. В том же 1780 году, когда появился русский перевод «Клавиго», он перевел комедию

«Перстень» немецкого педагога и драматурга И. Я. Энгеля, но это была скорее переделка, чем перевод, как тогда и было принято. «Перстень, комедия в одном действии» часто ставилась на сцене во время пребывания Козодавлева в Лейпциге.⁶³ При переложении этой комедии на русский язык Козодавлев переиначил несколько элементов текста. В предисловии к комедии Козодавлев пишет: «В подлиннике продает перстень жид, но в России жида необыкновенны, и для того представил я на место его торгующаго француза — таковых французов у нас так же много, как и в Германии жидов. — Некоторые места я также совсем переменил, а некоторые, нашим обыкновениям не противные, перевел я точно с немецкого. Название “Перстень”, кажется мне, приличнее содержанию сей комедии “Бриллианта”, и я, издавая подражание, а не перевод, имел право наименовать ее по моей воле».⁶⁴

И еще раз обратим внимание на то, что Козодавлев в то же самое время осуществил точный перевод драмы «Клавиго», несмотря на то, что эта драма также включает в себе некоторые сложные для перевода психологические и национальные нюансы. Надо отметить, что в XVIII веке переделки зарубежных театральных произведений появлялись в основном в жанре комедии, а переводы — в жанре трагедии. Однако бывало, что переделывались для русского читателя и зрителя не только комедии, но и трагедии (например, «Гамлет» А. П. Сумарокова, 1750).

Мы предполагаем, что Козодавлев стремился как можно более точно перевести «Клавиго» потому, что в этой драме его привлекала ее своеобразная

⁶³ Собственно, «Перстень» («Der Diamant») И. Я. Энгеля не являлся оригинальным произведением. Это была, в свою очередь, переделка французского источника — пьесы французского драматурга Ш. Колле (Charles Collé, 1709—1783) (см.: *Engel J. J. Der Diamant. Ein Lustspiel in einen Aufzuge, nach dem Französischen des Collé. Leipzig, 1773 // J. J. Engel's Schriften. Berlin, 1805. Bd VI. S. 278—280*).

⁶⁴ Перстень, комедия в одном действии. СПб., 1780. С. 3—5.

структурная сложность, связанная с изображением национальных характеров. Он перевел «Клавиго» максимально близко к гетевскому оригиналу, чтобы русские читатели лучше восприняли зарубежные культурные комплексы. Как указано выше, «Клавиго» — не просто история трагической любви между людьми третьего сословия, «мещанами», по русской терминологии той эпохи. В этой драме скрыто противопоставление двух культур — французской и немецкой — в свете проблемы становления немецкой национальной литературы и немецкого театра.

Если рассматривать «Клавиго» Гете как отражение сложной межкультурной проблематики, то характер предложенной этой пьесой картины «межкультурного сопоставления» не мог укрыться от высокообразованного человека, интересующегося зарубежными делами — такому, каким был, по нашему мнению, Козодавлев, причем задолго до того, как он поступил на службу в министерство иностранных дел. На страницах журнала «Растущий виноград» Козодавлев опубликовал большую статью «Рассуждение о народном просвещении в Европе» (1785—1786), дающую пищу для комментария к его заинтересованности в проблематике межкультурного сопоставления. Козодавлев написал ее, опираясь на Вольтера. Т. В. Якушкина, рассматривая в своей работе отношение в России к Данте⁶⁵ обращает внимание на то, что Козодавлев, по большей части принимая работу Вольтера, либо изменяет, либо сокращает некоторые ее части. Якушкина сравнивает отношение Козодавлева к Вольтеру с отношением С. Г. Домашнева, который буквально перевел Вольтера: Вольтер в своем «Опыте о нравах» критически пишет о допетровской России. По словам Якушкиной, у Вольтера «Русь периода XI—XV вв. была представлена как страна “диких полухристиан”, попавших в унижительное

⁶⁵ Якушкина Т. В. Точка отсчета: об истории развития понятия «Возрождение» в России в XVIII в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского института культуры (СПбГУКИ). 2011. Сентябрь. С. 148—159.

рабство к татарам». С этим Козодавлев не согласен, он пытается оправдать историческое значение России посредством указания на духовные связи России и Греции и на преимущество этих двух стран перед Европой.⁶⁶ Отчасти критическое восприятие Козодавлевым взглядов французского философа именно в этом пункте можно объяснить тем, что некоторые основы знаний и мировоззрения Козодавлева были заложены во время пребывания его в Лейпциге, т. е. в немецкой культурной среде. Во всяком случае, по статье видны его заинтересованность и сочувственное отношение к развитию немецкого национального самосознания.

Приведем ряд его высказываний в «Рассуждении...», касающихся тем галломании, и т. п.: «В Германии и других государствах многие воспитатели старались преподавать науки языком французским, истребляя в питомцах любовь к языку народному. И так при таком презрении языка народного невозможно и ожидать, чтоб просвещение в народе распространялось, ибо язык народный есть единый к сему способ, следственно в рассуждении сего общее употребление языка французского европейским народам весьма вредно»;⁶⁷ «Слепое в Германии знатных и ученых людей прилепление к языку французскому произвело в них презрение к языку природному, из коего родилось и презрение к отечеству. Язык немецкий, яко единственное орудие, служащее к распространению в Германии наук, художеств и хорошего вкуса, оставался в нечистоте и грубости; словом, Германия была под игом языка чуждого до тех пор, пока Провидение не произвело великих людей, обративших внимание свое на вычищение и обогащение языка немецкого. В Германии были Лейбниц, Вольф и множество других великих людей; но учение их оставалось

⁶⁶ См.: Там же. С. 151—153.

⁶⁷ *Козодавлев О. П.* Рассуждение о народном просвещении в Европе // *Растущий виноград*, ежемесячное сочинение, издаваемое от главного народного училища города святого Петра. 1785. Октябрь. С. 47.

между учениями. Отечество их получало не более пользы от них, как и от писателей иностранных. — Германия покрыта была мрачным покровом педантства и невежества, пока Геллерт, Лессинг, Виланд и множество других не возвели языка немецкого на степень совершенства. Немцы узрели красоту языка народного, низвергли с себя иго языка чуждого, и науки, художества и хороший вкус в короткое время распространились в Германии». ⁶⁸

Интересно, что одной из стран, о положении просвещения в которых сообщает Козодавлев, является Испания: «Инквизиция (тайное разыскное судилище) также немало способствовала угнетению ума человеческого, и препятствовала распространению просвещения народного. — Инквизиция заведена была прежде во Франции, где, однако ж, недолго она существовала; потом учредилось сие страшное и человечество угнетающее судилище в Испании, где оно и доднесь пребывает. Вместо, чтоб приводить людей на путь истины кротким наставлением, инквизиция старалась их обращать мучительным принуждением и наказывала заблуждения, происходящие единственно от невежества, яко самые злые преступления, даже в таких случаях, где законы естественные и гражданские отражают (т. е. отвергают. — *Т. К.*) подобные насилия; словом, распространять повсюду страх и трепет и лишать всех и каждого безопасности было главное дело сего тиранского заведения...». ⁶⁹ Впрочем, мы не беремся утверждать, влияло или нет отрицательное отношение к инквизиции на мнение Козодавлева об Испании. Скорее можно предположить, что, по крайней мере, в то время он уже рассматривал отношения между западноевропейскими странами в историческом контексте. Его интерес к сопоставлению культур, отчетливо проявившийся в переводе трагедии «Клавиго», вызывал размышления об Испании, так же, как и о Франции или Германии.

⁶⁸ Там же. С. 49—50.

⁶⁹ Там же. Апрель. С. 88—91.

Таким образом, история переводов произведений Гете в России началась с «Клавиго», иначе говоря, с попыток молодого поколения русских авторов определить свое отношение к крайностям сентиментализма, а также, возможно, удовлетворить зарождающийся интерес к «межкультурному сопоставлению», в том числе к борьбе немецкой культуры за свою национальную самостоятельность.

Глава 2

Произведения в журнале «Собеседник любителей русского слова»: идеи Просвещения и ранний русский сентиментализм

2.1. Три произведения из журнала «Собеседник...»: поэтика чувства

Период 1780-х годов является чрезвычайно значимым в истории русской литературы XVIII века и связан с прямой или косвенной ориентацией на сентиментализм. К этому русские писатели были подготовлены самим ходом развития отечественной литературы, а также знакомством с европейскими произведениями, затрагивавшими проблемы чувствительности («Юлия, или Новая Элоиза» («Julie ou la Nouvelle Héloïse», 1760) Ж.-Ж. Руссо (Jean-Jacques Rousseau, 1712—1788); «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» («A Sentimental Journey Through France and Italy», 1768) Л. Стерна (Laurence Stern, 1713—1768); «Страдания молодого Вертера» И. В. Гете (1774). В России начали появляться их переводы и переделки.

Как отмечают исследователи, такие как П. А. Орлов и Н. Д. Кочеткова, интерес к теме человеческих чувств проявлялся еще в произведениях Ф. А. Эмина и М. М. Хераскова,⁷⁰ но все же стремление к созданию произведений сентименталистского характера стало отчетливым именно в 1780-е годы. Более того, если речь идет о русских оригинальных произведениях, их стало намного больше именно во второй половине 1780-х и в 1790-е годы.

Литературные работы Козодавлева в качестве советника Российской академии, нацеленные на распространение идей Просвещения, приходятся как раз на первую половину 1780-х годов, еще до расцвета русского

⁷⁰ При рассмотрении истории русского сентиментализма мы опирались на работы П. А. Орлова и Н. Д. Кочетковой (*Орлов П. А.* Русский сентиментализм. М., 1977; *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма: Эстетические и нравственные искания. СПб., 1994).

сентиментализма, в том числе и до сочинений, опубликованных в журнале «Собеседник любителей русского слова», рассматривающихся в данной главе.

Перед тем, как приступить к изданию журнала «Собеседник любителей русского слова», Козодавлев исполнял поручение по редактированию собрания сочинений М. В. Ломоносова. Он взялся за редакцию нового собрания на основе изданий, сделанных в 1778 году под руководством ректора Московской Славяно-греко-латинской академии епископа Дамаскина (Д. Семенова-Руднева). Исполненной Козодавлевым работе дали не очень высокую оценку. По мнению М. И. Сухомлинова, он правил тексты Ломоносова по своему разумению, и в собрании оказалось немало ошибок. Несмотря на эти недостатки, следует признать, что Козодавлев сделал все же скромный, но шаг вперед в данной работе, состоявший в том, что к корпусу текстов предыдущего собрания он добавил личные письма Ломоносова к А. В. Шевелёву.

В предисловии к первому тому Козодавлев пишет: «Хотя сии письма не заключают в себе многого, касающегося до наук, и не обращают содержанием своим любопытство каждого читателя; но поелику все, что произошло из пера г. Ломоносова, не может быть недорогоценно, то сей причины ради, они в собрании сем и напечатаны, тем наипаче, что они открывают публике некоторые обстоятельства жизни сего великого писателя».⁷¹

Эти слова позволяют нам понять, что Козодавлев считал важным представить читателям Ломоносова не только как автора научных и художественных сочинений, но и отчасти как частного человека, личность которого отразилась в его повседневных мыслях и наблюдениях.

⁷¹ Сухомлинов М. И. О. П. Козодавлев. С. 36; см. также: Пономарев С. И. Материалы для библиографии литературы о Ломоносове // Сборник отд. рус. яз. и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1872. Т. 8. № 2. С. 9.

Можно считать обращение Козодавлева к «личности» русских исторических фигур одним из важных элементов, объединяющих его восприятие Просвещения с ориентацией на сентиментализм. Иными словами, эта сторона его деятельности вписывается в интерес сентиментализма к жизни частного человека.⁷²

⁷² В связи с обращением к частной жизни исторических личностей стоит добавить, что в первой половине 1780-х годов Козодавлев активно заботился о публикации «Жития святейшего патриарха Никона, писанного некоторым бывшим при нем клириком» (1784), которое оставалось в рукописи. Козодавлев предложил Академии наук опубликовать «Житие Никона», которое он считал полезным и важным для изучения отечественной истории. Проводим то место из предисловия Козодавлева к «Житию» Никона, где речь идет об истории рукописи: «Издаваемое ныне житие святейшего патриарха Никона писано вскоре после смерти сего, в истории российской прославившегося церкви нашей пастыря. Сочинитель сея книги был несколько лет клириком святейшего патриарха Никона; участвовал, как из жития сего видно, во всех пременах его жребия, и до конца жизни своего благотворителя был ему предан. Любителям российских древностей, конечно, будет приятно видеть сие сочинение точно таковым, как оно сочинителем написано, нежели с поправками, сообразными с чистотою языка, почему и издается оно без малейшей перемены, как в рассуждении повествуемого, так и в рассуждении слога. Рукописание сие дошло ко мне от некоторого ближнего моего свойственника, которому оно подарено было в 1757 году Иверскаго монастыря отцом архимандритом Дамаскином. Список сей заслуживает, в рассуждении точности, более прочих уважения, потому что он достался мне из того монастыря, в котором деяния святейшего Никона весьма известны, и в котором имя его, яко создателя той обители, пребывает и доднесь незабвенным» (*Сухомлинов М. И. О. П. Козодавлев. С. 284*). Стремление Козодавлева к публикации «Жития Никона» можно объяснить в свете тенденции эпохи сохранять и собирать русские исторические памятники. Добавим, что позже, по ходатайству Карамзина и Козодавлева, русское правительство оказало поддержку археографической экспедиции, направленной в архив гроссмейстера Немецкого ордена в Кенигсберге (см.: *Сухомлинов М. И. О. П. Козодавлев. С. 283—285*; см. также: *Дубровин Н. Осип Петрович Козодавлев в деле списывания актов в кенигсбергском архиве (Несколько слов для его биографии) // Северная почта. 1863. № 82—83*). В то же

После подготовки первого тома собрания сочинений Ломоносова начал публиковаться ежемесячный журнал «Собеседник любителей русского слова» (1783—1784), насчитывающий 16 частей. Козодавлев, назначенный соредктором этого журнала, не только занимался редактированием, но и публиковал там свои собственные произведения.

Среди известных авторов, сотрудничавших в журнале, были Г. Р. Державин, И. Ф. Богданович, Д. И. Фонвизин и сама императрица Екатерина II, в результате в журнале были представлены произведения различных жанров: стихи, рассказы, басни, и среди них немало работ затрагивало тему «чувствительности».

По словам автора «“Предуведомления” к “Собеседнику”», к участникам этого журнала предъявлялось требование или писать свои оригинальные сочинения, или печатать русские переделки иностранных произведений: «Сие собрание издаваться будет по частям, заключая в себе только одни подлинные российские сочинения; посему присылающие труды свои для напечатания в сем “Собеседнике”, благоволят присылать только таковые, или подражание сочинениям, изданным на других языках; а переводы, какого бы они рода ни были, помещены здесь не будут. Ежели же напечатается что-нибудь в сем собрании под названием перевода, то сие только будет в таком случае, когда кто из сочинителей, желая остаться неизвестным, назовет себя переводчиком».⁷³

время «Житие Никона» могла быть для Козодавлева источником, в котором описывается личная жизнь великого человека, документом того же типа, что и опубликованные им личные письма Ломоносова.

⁷³ Предуведомление // Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 1. С. 3—4. Далее ссылки на «Собеседник...» приводятся в тексте с указанием номера части и страницы.

Эти слова явно показывают, что одна из целей журнала состояла в развитии русского литературного языка.⁷⁴ Более того, во время издания «Собеседника...» Козодавлев в качестве члена Российской Академии и советника Академии наук принимал участие в работе еще над одним большим проектом, а именно над словарем русского языка — работал над словами на букву «С». Эта деятельность частично получила отражение в журнале «Собеседник»: в 16-й части была опубликована статья «Мнение о разделении российских согласных букв в рассуждении произношения пред ними З и С и о правописании по сему разделению».⁷⁵

Учитывая, что в первой половине 1780-х годов сентиментальных произведений, опубликованных на русском языке, было сравнительно немного, можно утверждать, что попытка издания журнала такого рода, как «Собеседник...», сыграла свою определенную роль в усвоении сентиментального стиля русским литературным языком.

Козодавлев, занимаясь вместе с Е. Р. Дашковой редактированием этого журнала, поместил в нем такие свои произведения, как «Письмо к Ломоносову», «Письмо к Капнисту», «Письмо к Татарскому Мурзе», «Приятное путешествие», «Стихи Клелии», «К другу моему», «Исторические,

⁷⁴ При рассмотрении «Собеседника любителей русского слова» Н. Д. Кочеткова обращает внимание на роль Козодавлева: «Козодавлев играл активную роль в издании “Собеседника”, и то, что писал он иногда от имени редакции, было или прямым или косвенным отражением мыслей и взглядов Екатерины» (см.: *Кочеткова Н. Д. Отзывы о Ломоносове в «Собеседнике любителей русского слова»*. С. 278).

⁷⁵ Ю. В. Стенник, интересовавшийся вопросами языка и стиля в «Собеседнике...», писал об этой работе Козодавлева как об «отмеченной явным дилетантизмом», статья, по его мнению, «носила сравнительно частный характер» (см.: *Стенник Ю. В. Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей русского слова» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 119*).

философические, политические и критические рассуждения...»,⁷⁶ «Сновидение» и «Мнение о разделении российских согласных букв в рассуждении произношения пред ними З и С и о правописании по сему разделению», а вероятно, и еще ряд других.⁷⁷

Три произведения Козодавлева, по нашему мнению, напрямую были посвящены теме человеческих чувств. Это — «Приятное путешествие», «Стихи Клелии» и стихотворение «К другу моему...». Эти произведения как комплекс до сих пор не рассматривались.

Среди трех анализируемых в настоящей главе текстов главное место занимает «Приятное путешествие», в котором Козодавлев излагает свое понимание чувствительности, а «Стихи Клелии» и «К другу моему...» дополняют его в этом аспекте, уточняя авторскую позицию.

Эти три произведения явно демонстрируют черты сентиментализма (описание чувствительного сердца, детальные изображения красоты природы и проч.). Они появились в то время, когда сентиментализм только еще прокладывал путь в русской литературе. Однако, повторяем, до сих пор на них не обращалось достаточного внимания, хотя анализ их может дать нам ключ для выяснения характера раннего русского сентиментализма. Поэтому в данной работе мы рассмотрим то, как Козодавлев относится в своих произведениях к теме человеческих чувств, обращая внимание в том числе на взаимосвязь между тремя указанными текстами.

⁷⁶«Исторические, философические, политические и критические рассуждения о причинах возвышения и упадка книги, во всех концах Российской империи в 1783 году славившейся, и по столичным, губернским, областным и уездным городам той империи до сего дня читаемой, но не столько как прежде покупаемой, а именно “Собеседника любителей русского слова”» (далее — «Исторические рассуждения»).

⁷⁷ Определить все статьи, принадлежавшие перу Козодавлева трудно, так как некоторые помещались в журнале без подписи. В диссертации приводятся статьи, авторство которых не вызывает сомнений.

2.1.1. К изучению беллетристического метода Козодавлева: Франция и Германия в «Приятном путешествии»

На страницах первой части журнала «Собеседник» было опубликовано «Приятное путешествие» за подписью «К...въ», принадлежащее перу Козодавлева. Хотя историками литературы еще не было проведено подробного анализа этого текста, значимость его в качестве одной из первых ласточек сентиментальной литературы могут подкрепить слова Г. А. Гуковского в «Истории русской литературы» (1941): «Уже в 1783 г. в “Собеседнике любителей русского слова” было напечатано первое русское сентиментальное путешествие, небольшое еще произведение, но уже заключающее специфические черты данного жанра и стиля, — “Приятное путешествие” (вероятно, автором его был О. П. Козодавлев)».⁷⁸

Повествователь вспоминает об одном летнем вечере, когда он во время путешествия встретился с хозяином некоего дома, и тот рассказал ему историю о своем добродетельном поступке и жестокости своего богатого знакомого. Комментируя этот рассказ, М. И. Сухомлинов утверждает, что главная идея произведения состоит в контрасте добра и зла.⁷⁹

Считаем, однако, что такая трактовка упрощает идею Козодавлева, так как в таком случае игнорируется фигура самого повествователя и те эмоции, которые он испытывает. Ведь эпизод с хозяином начинается только во второй половине рассказа, тогда как первая часть посвящена описанию природы и впечатлениям повествователя от ее созерцания.

К тому же повествователь является еще и путешественником. А многие европейские произведения в форме путешествия, уже написанные к тому

⁷⁸ Гуковский Г. А. Карамзин // История русской литературы: В 10 т. Л., 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 74.

⁷⁹ Сухомлинов М. И. О. П. Козодавлев. С. 326.

времени под влиянием «Сентиментального путешествия...» Стерна, затрагивали вопросы внутреннего мира человека. И в «Приятном путешествии» Козодавлева физическое путешествие символизирует внутреннее развитие чувствительного героя. Писатель старается тонко передать изменение душевного состояния своего «чувствительного» персонажа, излагая при этом историю победы добродетели над жестокостью.

В начале истории герой/рассказчик восхищается красотой природы. Увидев освещенные закатным солнцем лес и озеро, он восклицает: «Какое приятное зрелище! Какое услаждение сердцам чувствительным!»; «...я был (охвачен. — *T. K.*) наисладчайшим чувствованием — чувствованием, всякое другое удовольствие превосходящим» (ч. 1, с. 40). Акцент сделан не на красоте самой природы, а на тех ощущениях, которые она вызывает у героя, обладающего чувствительным характером. Далее эмоция, пробужденная красотой природы, заставляет повествователя вспомнить о женщине, в которую он раньше был влюблен: «Тогда воображению моему предстало то время, в которое я приведен был в подобный сему восторг добродетельною душою прекрасной Клелии. Напоминание о ней раздражило болезненное мое сердце... слезы полились из глаз моих, и я погрузился в совершенное забвение самого себя и, кроме Клелии, ничего не ощущал» (ч. 1, с. 41).

Имя Клелии всего однажды упоминается в повествовании, однако очевидно, что его появление в тексте не случайно, оно должно было напоминать читателям о героине одноименного любовного романа «Клелия, римская история» («*Clélie, histoire Romaine*», 1654—1660) французской писательницы Мадлен де Скюдери (*Madeleine de Scudéry*, 1607—1701),⁸⁰ который был написан

⁸⁰ *Munro James S.* *Mademoiselle de Scudéry and the Carte de Tendre.* Durham: University of Durham, 1986. В России XVIII столетия роман «Клелия» в русском переводе был распространен в рукописи под следующим названием: «Римские кавалеры и дамы. История о соединенной компании и о любовных разговорах римских кавалеров и дам Марцеллюси и

на основе древнеримского предания о храброй девушке по имени Клеллия. По сути дела, Скюдери на основе римской легенды написала роман о принципах любовной морали, принятых во французских салонах XVII века. Несомненно, образованные русские читатели были знакомы в подлиннике не только с этим романом, но и с «Поэтическим искусством» («L'art poétique», 1674) Н. Буало-Депрео (Nicolas Boileau-Despréaux, 1636—1711), где была представлена его критика.

Исходя из истории восприятия «Клелии» в русской литературе того времени, можно предположить, что упоминание этого имени Козодавлевым в «Приятном путешествии», видимо, также было связано с идеей градации любовной морали, по мадам де Скюдери.

Обратимся к эпизоду встречи повествователя с хозяином. Первый был погружен в свои любовные воспоминания, а добродетельный и чувствительный хозяин, заметив это, пригласил его к себе в гости и для того, чтобы отвлечь гостя от сердечной тоски, рассказал свою историю. Однажды хозяин оказался в загородном доме своего знакомого, богатого человека. Среди приглашенных гостей была вдова, покойный муж которой при жизни спас этого богатого человека из беды. Она пришла к нему за помощью, но тот отказал ей в просьбе. Это событие расстроило гостя богача, он незаметно догнал несчастную вдову и отдал ей свои деньги.

История эта произвела на рассказчика, страдающего от несчастной любви, сильное впечатление, он восхитился благородством чувств собеседника; в своем несчастье он был утешен, как он пишет, «созерцанием добродетельного человека, доказывающего добродетель свою исполнением должностей звания своего». Писатель подчеркивает изменение душевного состояния своего персонажа: «Чувствование сие производит в груди моей некий пламень,

Клеллии и прочих». Эта книга хранится в Отделе рукописей РНБ (Ф. XV. № 29. Скороп. XVIII в., 227 л.).

разливающийся по всем членам моим и превозносящий дух мой выше бренности человеческой» (ч. 1, с. 52).

Важно в то же время, что избавляясь от любовных страданий, повествователь вовсе не отказывается от чувствительности как таковой. Напротив, в тексте подчеркнуто, что «больное сердце» этого персонажа свидетельствует не о недуге, а о «приятном состоянии» души (в сущности, эта антитеза была и в «Клавиго» с его идеей о том, что несчастливые люди опасны). К тому же Козодавлев видит положительное влияние «чувствительности» на характеры других персонажей. О хозяине сказано: «Вид сего пришельца возвещал человека, имеющего чувствительную душу», а его жена и дети обладают «добродетельной душой» в своем «нежном сердце» (ч. 1, с. 52). Так, по мнению автора, во всяком человеке ценны проявления «чувствительности», потому что она является условием для пробуждения в душе добродетельных свойств.

В этой связи стоит отметить, что в русской литературе того времени уже стал заметен интерес писателей к эстетике грусти. Например, в журнале «Московское ежемесячное издание» (1781) была опубликована статья И. Ф. Геллерта «О приятности грусти» (1756), переведенная с немецкого языка А. М. Кутузовым.⁸¹ Геллерт был не только поэтом, но и знаменитым профессором, который читал лекции в Лейпцигском университете, когда там учился Козодавлев. Это имя было, конечно же, значимым для бывших студентов этого университета.

⁸¹ В середине XX века швейцарский русист П. А. Бранг выяснил, что статья «О приятности грусти» не оригинальное сочинение А. М. Кутузова, а перевод статьи И. Ф. Геллерта (см.: *Кутузов А. М. О приятности грусти // Московское ежемесячное издание. 1781. Ч. 3. С. 141—153; Brang P. A. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland (Zum Ploblem der Attribuierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts) // Zeitschrift für slavische Philologie. 1962. Bd 30. H. 1. S. 44—57).*

Таким образом, Козодавлев, опираясь на авторитет традиционной для европейской культуры темы добродетели, строит свое произведение на идее того, что чувствительность есть свойство характера, необходимое для развития добродетельной души — главной нравственной ценности сентиментализма.

2.1.2. Анализ стилистики «Приятного путешествия»

Текст «Приятного путешествия» исследуется нами не только как образец формирования литературного стиля Козодавлева, но и в перспективе изучения его вклада в русско-европейские литературные связи. Хотя такой аспект напрямую не связан с анализом «Приятного путешествия» как одной из частей комплексной работы, он необходим для того, чтобы выявить укорененность в поэтике Козодавлева темы межкультурного сопоставления, проявившейся ранее в переводческой работе над драмой Гете «Клавиго».

К как сказано выше, Козодавлев, упомянув имя Клелии в начале повествования, вызвал у читателей воспоминание о любовной морали в романе Скюдери. Мы уже обратили внимание на эту французскую литературную фигуру — Клелию. Вместе с тем «Клелия» Скюдери была не единственным европейским литературным подтекстом «Приятного путешествия».

Добродетельный хозяин, рассказывая о том, что он отдал все имевшиеся у него с собой деньги бедной вдове, заключает эпизод следующими словами: «Воображая радость, которую она ощущать будет, увидевши детей своих, я восхищался, проливая слезы, извлекаемые сим приятным воображением из глаз моих. К недостойному тому богачу, к коему я преисполнен сделался презрением, я уже не возвратился; взял лошадей и уехал в город. Потом, успокоившись досады на сего нечувствительного человека, ощущал я подобно Виландову Диогену, сострадание к богатым людям. Я сожалел об них, что самое то, чтобы долженствовало их творить благополучными, лишает их

наисладчайшего того удовольствия, которое проистекает от благотворения» (ч. 1, с. 51).

Нам представляется не случайным то, что в начале «Приятного путешествия» у героя болит сердце при воспоминании о Клелии, а к концу повествования, избавившись от этой любви под влиянием услышанной истории, он напоминает читателям о «Виландовом Диогене». Здесь имеется в виду персонаж произведения «Сократ Майномен, или Разговоры Диогена Синопского» («Sokrates Mainomenos, oder die Dialogen des Diogenes von Synopere»; 1774) К. М. Виланда.⁸² Диоген, по версии Виланда, критически относился к имущим.

В этом произведении Виланд устами Диогена сопоставляет мораль бедных людей и богатых. Часть «Разговоров Диогена Синопского» была помещена в русском переводе на страницах журнала «Утренний свет», издателем которого являлся Н. И. Новиков. Козодавлев стремился, как мы думаем, чтобы читатели «Собеседника...» восприняли эпизод с хозяином из «Приятного путешествия» именно на фоне виландовского «Диогена». Сам Козодавлев, скорее всего, познакомился с этими диалогами Виланда в подлиннике, до публикации русского перевода, так как это произведение было впервые опубликовано в 1774 году, а это был последний год обучения Козодавлева в Германии. Отметим, что в этом же году появилась в Германии и драма Гете «Клавиго».

Античные персонажи в «Приятном путешествии» и других произведениях Козодавлева — это часть литературной культуры XVIII века, стилистики, в которой выдержано, естественно, литературное направление журнала

⁸² Это произведение было включено в собрание сочинений Виланда в 1795 году под названием «Nachlaß des Diogenes von Sinopere. Aus einer alten Handschrift» («Наследие Диогена Синопского. Из старинной рукописи»). Этот источник использован в нашей диссертации (*Wielands C. M. Sämmtliche Werke. Leipzig, 1795. Bd 13. S. 1—148*).

«Собеседник...». Нельзя, однако, не отметить, что герой «Разговоров...» Виланда, как и вся античность в произведениях этого писателя была, так сказать, «актуализирована», т. е. если не превращена в прямое иносказание, то облачена в выдержанную в полном соответствии со знаниями эпохи об античном мире «одежду» современных Виланду вопросов и моральных проблем.

Тенденция использования античных мотивов была актуальна и для русской литературы 1780-х годов. В «Собеседнике...» печатались И. Ф. Богданович, Д. И. Хвостов и И. И. Дмитриев, которые писали стихи и прозу, используя мифологические образы и сюжеты. В связи с этим можно вспомнить и украшавшую первую страницу каждого тома журнала гравюру, на которой была изображена Минерва (образом этой римской богини, как известно, часто пользовались для иносказательного наименования Екатерины II).

Хотя Козодавлев не мог пройти мимо античных мотивов, он пользовался ими, как мы видим на примере «Приятного путешествия», в принципе так же, как это делал Виланд, то есть связывая их со своей беллетристической манерой. Этот редактор-просветитель воспользовался в начале произведения мотивами из романа Скюдери, порожденного французским салоном XVII века, а в конце из «Разговоров» Виланда, немецкого писателя-просветителя и мыслителя XVIII века. Такую манеру сочинения, то есть попытку сопоставления и соединения идей, заимствованных у писателей двух различных стран, мы можем считать одной из особенностей литературной стратегии Козодавлева, которая проявляется уже в переводе гетевской драмы «Клавиго».

Косвенное обращение к персонажам античности позволяло автору показать читателям двойственность своего героя, то есть достоинство и недостаток чувствительности.

К этому добавим, что позднее в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина один персонаж сопоставляет «Новую Элоизу» Руссо с

творчеством Скюдери: «Человек, любящий славу, знатность, богатство, подобен тому, кто за неимением “Новой Элоизы” читает роман девицы Скюдери; за неимением, говорю, или по дурному вкусу. На диком паросском мраморе нарастает иногда довольно приятная зелень, но можно ли сравнить ее с видом того мрамора, который представляет Фидиасову “Венеру”? Вот его истинное определение (destination), подобно как определение сердца есть любовь».⁸³

Из высказывания Карамзина видно, что он критически относился к Скюдери, по сравнению с Руссо, который оказал, как известно, огромное влияние на писателей, педагогов и философов своего и позднейшего времени. Относительно Козодавлева можно сказать, что в его произведении отчетливо видно более сильное влияние немецкого образца — Виланда. Литературные работы Виланда заключают в себе глубокие философские мысли и общедоступное нравоучение, высказанное изящным и легким языком. Можно убедиться в том, что Козодавлев с большим уважением относился к Виланду, проявившему себя не только как писатель, но и как профессор, некоторое время читавший лекции по философии в Эрфуртском университете. Кроме того, Виланд был известным журналистом своего времени, издателем влиятельного журнала «Немецкий Меркурий» («Der Teutsche Merkur», 1773—1810), о котором мы повторно упомянем позже в связи с анализом «Сновидения».

Интерес Козодавлева к Виланду очевиден. В «Рассуждении о народном просвещении в Европе» он упоминает Виланда наряду с Лессингом и другими крупными немецкими писателями. К этому добавим, что в 1783 году по указу Екатерины II Козодавлев перевел поэму немецкого поэта М. А. Тюммеля «Вильгельмина», а Тюммель унаследовал направление сатирического и философского стиля именно от Виланда.

⁸³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 464.

2.1.3. «Стихи Клелии»

«Стихи Клелии»⁸⁴ были опубликованы в шестой части «Собеседника...» и посвящены изображению «страсти первой любви и страдания от нее».

Не знал тогда любви я страстной,
Любил одних своих друзей,
Но вдруг узрев тебя — несчастной!
Лишился вольности своей
(ч. 6, с. 25).

Из вышеприведенных строк следует, что лирический герой, до этого момента из нежных чувств знакомый только с чувством дружбы, влюбился с первого взгляда. Страдая от несчастной любви, он в конце стихотворения говорит о своем желании умереть, чтобы избавиться от страданий. Смерть от любви — тема, знаковая для эпохи, в которую был написан «Вертер» Гете.

Без сожаления взираешь
Ты на мучения мои
И только скорби лишь питаешь,
Как взоры встречу я твои.
<...>
Ничто уже не утешает
Меня одна лишь смерть прельщает,

⁸⁴ Название этого стихотворения в исследовательской литературе колеблется между «Стихами Клелии» или просто «Клелии». В нашей работе мы воспользуемся вариантом «Стихи Клелии», таким же, как в «Словаре русских писателей XVIII века» (Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Т. 2. С. 100).

Мое блаженство чту я в ней.

Благотворящею рукою

Меня она туда ведет...

(ч. 6, с. 25—26)

Уже самим названием — «Стихи Клелии» — поэт отчасти напоминает читателям о той любовной морали, которая сформулирована в романе Скюдери «Клелия»: «любовь с первого взгляда» в иерархии чувств располагается ниже, чем «любовь с уважением», которая рождается со временем из чувства дружбы. Однако Козодавлев вносит в эту иерархию свою поправку. В «Стихах Клелии» он определяет страдания от любви как полезные для развития внутреннего мира человека. Стихотворение «К другу моему...» может подтвердить наше предположение.

Однако прежде следует уточнить характер связи между всеми тремя сочинениями Козодавлева. «Стихи Клелии» были напечатаны без подписи только через полгода после публикации «Приятного путешествия». Однако общая идея этих двух произведений находит формальное выражение через упоминание имени Клелии. Для писателя это было важнейшим условием для того, чтобы установить диалог с читателем.

Полагаем, однако, что его намерение не было понято, возможно, именно поэтому стихотворение «К другу моему...» было помещено за подписью «Сочинитель “Приятного путешествия” и “Клелии”» (ч. 7, с. 26).⁸⁵ Посредством этой необычной подписи Козодавлев акцентировал внимание читателей на единстве трех своих сочинений.

⁸⁵ Позже, в середине XIX века, Н. А. Добролюбов в своем комментарии, касающемся этих произведений в «Собеседнике...», доказал авторство Козодавлева (см.: *Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей русского слова»*. С. 182—278.

2.1.4. «К другу моему...»

В седьмой части «Собеседника» Козодавлев поместил стихи «К другу моему...», которые посвятил поэту Мурзе, автору оды «Фелица» (1783) (под псевдонимом скрывался, как известно, Г. Р. Державин).

Значение «Фелицы» Державина для русской литературы того времени было огромно. Поэт посвятил эту оду героине дидактического рассказа «История о царевиче Хлоре» (1781),⁸⁶ автором которого была Екатерина II. И Державин, то есть «Мурза», в своей оде прославил под именем Фелицы добродетельную душу Екатерины II.⁸⁷

Опубликованная в «Собеседнике...» державинская ода удивила и заинтересовала многих читателей своим стилем, смелым изображением личности Фелицы. По поводу самого автора — Державина стоит напомнить, что, хотя в литературоведении он считается одним из тех писателей, кто наследовал традиции русского классицизма, в то же время он был лидером Львовского кружка, силы участников которого были направлены на разработку русской сентиментальной поэзии.

Державин в «Фелице» привлек внимание читателей к личности своей героини, что вписывается в программу раннего русского сентиментализма. Надо отметить, что именно Козодавлев, высоко оценив державинскую оду, представил ее сотрудникам «Собеседника...», в результате чего «Фелица» была помещена в первом томе журнала. А потом, в очередных номерах журнала, появилось немало стихотворений, упоминавших «Фелицу» и ее автора Мурзу, в том числе и стихи Козодавлева, а среди них — стихотворение «К другу

⁸⁶ *Екатерина II. Сказка о царевиче Хлоре // Избранные сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1890. Т. 1. С. 39—53.*

⁸⁷ *Державин Г. Р. Ода к премудрой Киргиз-кайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским Мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге: переведена с арабского языка 1782 года (ч. 1, с. 5—14).*

моему...». Возможно, отсылка к «Фелице» и ее автору была нужна Козодавлеву для привлечения читательского внимания к своему сочинению. В других своих стихах под названием «Письмо к татарскому Мурзе, сочинившему оду к премудрой Фелице» он откровеннее выражает похвалу талантливому Мурзе (см.: ч. 8, с. 5).

По сравнению с ними в стихотворении «К другу моему...» акцент сделан не на достоинствах поэтического дарования Мурзы, а на его «личном страдании» от любви, что объединяет это стихотворение через тему любовных страданий с «Приятным путешествием» и «Стихами Клелии». В стихотворении «К другу моему...» также изображается любовь без взаимности:

Сладчайшему питью подобно
Льетса в сердце к нам любовь
И, в грудь скользя она свободно,
С приятностью волнует кровь;
Но прелести любви опасны,
И следствия ее злощастны
Нам бедным смертным иногда:
Взаимной кто не видит страсти,
Тот, чувствуя одни напасти,
Покой теряет навсегда
(ч. 7, с. 41—42).

Совет страдающему от безответной любви «другу», поэту Мурзе, таков:

Избавься, друг мой, сея страсти,
Отвергни слабость от себя:
Тогда исчезнут все напасти,

Узрю в спокойствии тебя.
Будь мужествен, владей собою,
И честною своей душою
Соделай щастливым твой век —
Но тщетно я того желаю,
Мечтою дух мой обольщаю...
Мой друг!.. ты брэнной человек
(ч. 7, с. 44).

Очевидно, что автор стихотворения, призывая своего друга отказаться от ненадежной любви, в то же время осознает тщетность своих просьб: здесь проявляется сочувствие к сердечным переживаниям Мурзы. В «Приятном путешествии» повествователь в конце решительно избавился от своего любовного недуга. Позволим себе высказать такое предположение: противоречия между произведениями нет, Козодавлев остается верен близкой ему просветительской вере в возможность преодолеть страдания чувствительного сердца, но в то же время понимает, что несчастная любовь «друга» — это питательная почва для его таланта.

Таким образом, в своих произведениях о несчастной любви, разных в жанровом отношении, Козодавлев отводит «чувствительности» почетное место среди человеческих свойств и высоко оценивает ее роль в нравственном развитии человека. По нашему убеждению, все три сочинения Козодавлева связаны между собой единой *историей личности*. В «Приятном путешествии» близкий автору герой-рассказчик излечивается от любви, в «Стихах Клелии» герой испытывает сердечные мучения и жаждет смерти, а в стихотворении «К другу моему...» автор, переживший в первом из трех произведений вместе со своим героем страдания из-за чувствительности, умудренный этими переживаниями, дает совет находящемуся в подобном положении поэту и

«другу» Мурзе. Хронологически история о несчастной любви, рассказанная в «Стихах Клелии», предшествует «Приятному путешествию». Последним эпизодом единой личной истории является стихотворение «К другу моему...». Таким образом, завершается картина душевного развития человека. Иными словами, посредством публикации этих трех произведений, подписанных одним и тем же автором, Козодавлев попытался представить читателям, что «чувствительность» имеет много сторон и оттенков и является тем, что не только причиняет неприятности, но и приносит пользу душе.

Итак, писатель предложил своим читателям два противоборствующих аспекта трактовки «чувствительности» — принятие возвышающей роли чувств и в то же время предостережение от увлечения ими. Указывая путь избавления от горя или сердечного волнения, он в то же время подчеркивает их необходимость в нравственном развитии человека. Выявленное нами на материале указанных произведений двойственное отношение Козодавлева к теме «чувствительности» является чертой, свойственной раннему русскому сентиментализму. Хотя он сохранил в своих произведениях уважение к морали и разуму, как требовала того эпоха Просвещения, в то же время он отвел «чувствительному характеру» важное место, соединив «чувствительность» с традициями эпохи Разума. Это соединение показывает, что Козодавлев остался, в некоторой мере, консерватором в истории русской литературы.

Он пишет в стихотворении «К другу моему...»: «Я не могу играть на лире» (ч. 7, с. 40). Эти слова отражают позицию самого Козодавлева относительно творческой деятельности. Не позволяя себе играть роль поэта, в которой он мог бы, на наш взгляд, стать сентименталистом, но стремясь выступить в большей степени как просветитель, Козодавлев всегда проводил грань между собой и писателями, усилия которых были направлены на художественные открытия нового стиля, и в то же время находился близко к ним. В «Письме к Капнисту» он пишет, хваля работы адресата: «Вам не

безызвестно, в каком состоянии находятся науки и стихотворство там, где они обретают себе покровителей. В России таковые покровители еще нужнее, нежели в других государствах, поелику публика наша не очень еще охотна читать российские стихотворения» (ч. 1, с. 75). Вероятно, в этих словах он имел в виду прежде всего императрицу, но мы полагаем, что хотя бы отчасти Козодавлев и сам считал себя одним из таких покровителей, которые поддерживают и поощряют русских писателей.

2.2. Стихотворение «Сновидение»

В шестнадцатой части «Собеседника любителей русского слова», т. е. в последней части журнала, была помещена стихотворная повесть, или сказка Козодавлева «Сновидение».

По сравнению с его другими работами, например, со статьей об истории «Собеседника любителей русского слова» (ч. 16, с. 3—13),⁸⁸ опубликованной в той же части журнала, относительно «Сновидения» до сих пор не было сказано ничего — ни о его смысле, ни о намерениях автора, с ним связанных. «Сновидение» является в отношении замысла более свободным, чем остальные произведения Козодавлева, цель которых связана либо с пропагандой концепции журнала, либо с идеей развития русского языка, либо с прославлением императрицы.

Отметим, что в середине XIX века Н. А. Добролюбов в своей статье о журнале «Собеседник» назвал эту сказку «шуточной пьесой». Ранее В. Г. Белинский, говоря о творчестве Г. Р. Державина, говорил о «шуточном

⁸⁸ Статья «Исторические рассуждения», которая имеется здесь в виду, разделяется на три части, последние две из которых (с. 6—13) посвящены именно истории журнала.

тоне» его работ,⁸⁹ и мы полагаем, что Добролюбов, опираясь на авторитет Белинского в суждении о «Сновидении», повторял его оценку Державина.

Добролюбов, однако, кроме этих слов, не оставил замечаний о том, с каким намерением Козодавлев написал эту вещь. М. И. Сухомлинов, анализируя статью Добролюбова, также обошел вниманием это произведение. В наше время К. Ф. Тарановский, изучая русские двусложные размеры привлекает к исследованию и стихи Козодавлева, в том числе «Сновидение». Приведем слова Тарановского, касающиеся Козодавлева: «...Дельвиг, как и Козодавлев в 18 веке, облегчил шестой слог, не усиливая четвертый. Это — лишь подтверждает, что не столько поэты сознательно облегчали шестой и усиливали четвертый слог, сколько ослабление ударности шестого слога у большинства поэтов, так сказать, автоматически вело к увеличению ударности четвертого».⁹⁰ Здесь интерес Тарановского состоит в том, чтобы указать место работ Козодавлева в переходном периоде истории рифмы в русском стихе, отражавших новую для конца XVIII века тенденцию в перераспределении ударности внутри стиха.

Из сказанного понятно, что полного анализа этого стихотворения исследователями предпринято не было, несмотря на то, что в нем содержится значительный материал для выяснения целей и тенденции Козодавлева и для характеристики эстетических взглядов его современников.

«Сновидение» начинается с вступительных слов от первого лица, затем описывается эпизод из сна некоего Клитона, о котором повествователь слышал

⁸⁹ Например, Белинский пишет, что «Видение Мурзы» «принадлежит к лучшим одам Державина. Как все оды к Фелице, она написана в шуточном тоне; но этот шуточный тон есть истинно высокий лирический тон — сочетание, свойственное только державинской поэзии и составляющее ее оригинальность» (*Белинский В. Г. Сочинения Державина. Четыре части, Санктпетербург, 1843 // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Л., 1953—1959. Т. 6. С. 645*).

⁹⁰ *Тарановский К. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе. М., 2010. С. 88.*

от своей «мамушки», т. е. няни. Герой этой небольшой поэмы-сказки, «влюбленный и несчастный Клитон» повсюду искал свою любимую Клелию (уже знакомое нам имя), но напрасно. Он с печалью вернулся домой и глубоко заснул. В ту ночь ему приснился чудесный сон, в котором к нему прилетел бог Амур. Клитон, воспарив на летающей колеснице в небо, приземляется в конце эпизода в сказочном чертоге, и там внезапно слышит откуда-то прекрасный голос. На этом сказка прерывается, а на последней странице указано: «Продолжение впродоль». На самом деле продолжение так и не было написано, и осталось неясным, предполагалось ли оно вообще автором сказки.

Однако ее анализ, повторяем, представляется нам важным потому, что он позволяет обнаружить несколько литературных тем, связанных не только с концепцией журнала, но и с личными интересами и взглядами Козодавлева. Разделим наш анализ на две части: (а) Роль мифологии, (б) Тема семейного образования во вступлении ко сну Клитона.

2.2.1. Роль мифологии в «Сновидении»

«Сновидение» начинается следующим образом:

Снабденный нежною душою,
Какой- то господин Клитон,
Гонимый лютою судьбою,
Однажды странный видел сон,
О коем здесь я повествую.
Он был влюбленной человек,
И победить свою драгую
Старался тщетно целый век

(ч. 16, с. 54).

Далее автор намекает на связь главного эпизода сна Клитона с образами античных богов: после этих строк повествователь вспоминает о своей покойной нянюшке, которая, рассказывая ему не раз историю Клитона, опираясь на мотивы из греческой мифологии. Основной юмор в этом стихотворении, видимо, состоит в том, что сочинять историю по мотивам античных мифов берется нянька, необразованная крепостная женщина, которая на самом деле в ней не разбиралась:

Моя рассказывала мама
Частенько сказочку об нем (о Клитоне. — *Т. К.*).
<...>
Она Гомера даже знала,
За ним любила подремать;
<...>
И часто между сладкими словами,
Аврору, Феба и Амура
И прочих древности богов
В рассказах помещать любила,
И вот как мамушка со мной
О сне чудесном говорила (ч. 16, с. 55).

После краткого воспоминания начинается сам эпизод. Клитон, не найдя свою возлюбленную Клелию, в большой печали возвращается домой. В ту ночь бог Морфей заставляя его крепко заснуть:

Клитон наш бедный, ощущая
Свою жестокою напасть,
Не спя, лежит, в душе питая

Ее снедающую страсть;
Но вдруг во храмину влетает
На черных крыльях дух к нему,
Который смертных усыпляет,
И действовать претит уму.
Сей дух тяжелый и ленивый
Морфеем древними зовом (ч. 16, с. 57).

Во сне «пред ним внезапно появилась / Амуров маленьких чета. / Они велели за собою / Ему идти...». Потом Клитон узрел «ту раковинну колесницу, / В которой смертных царь Амур / Свою катает мать царицу, / Когда влюбленных просьба дур / Ей в Амафонте⁹¹ наскучает, / И чтоб избавиться от них, / Она по воздуху гуляет / В сообществе друзей своих».

Дальше автор описывает причудливую воздушную колесницу:

Уму представить неудобно
Ея блистающих богатств,
И описать нельзя подробно
Всех тех невиданных приятств,
Которые она являла
Клитоновым очам собой,
Как взор смущенный ослепляла
Алмазов разноцветных тьмой.
В нее заложена станица
Проворных белых голубей,
Как будто б Кипрская царица

⁹¹ Амафонт или Амаф — город на Кипре, где находился храм богини Афродиты, матери Амура.

Хотела покататься в ней

(ч. 16, с. 59).

Клитон чувствует страх перед грандиозной картиной природы:

Но вдруг он ужас ощущает

Не видя под собой земли;

Натура то ему являет,

Чего не зрел он николи.

Он видит море под собою,

Как беспредельный сонм светил,

Сверкающих лучей игрою,

Которых в воду Феб пустил

(ч. 16, с. 65).

Как видно из этих строф, греческая мифология подается в стилистике французского и немецкого рококо (Вольтер, Виланд), смотревшего на нее как на литературную игру, эстетическое украшение сюжета, придающее ему своего рода стилистическую нарядность, не лишенную легкого юмора.

Кроме этих традиционных европейских мифологических образов, однако, Козодавлев заимствует одного бога из древнеславянской мифологии.

На козлах Леля сам сидящий

Вожжами голубей держал.

Клитон такое чудо зрящий

Глаза смущенны протирал,

И после больше удивился,

Когда Амур ему сказал,

Чтобы в коляску он садился
И епанчу бы надевал.
Один из мальчиков крылатых
Ее Клитону подает,
Другой из тех же провожатых
Перчатки с шляпою несет;
И чтобы он не простудился,
Велят укутаться ему...

(ч. 16, с. 60)

«Леля значит в российском баснословии бог любви, или Амур» — так автор сам поясняет это имя в подстрочном примечании. По-видимому, во сне Клитона Леля занимает главное место среди других Амуров. Епанча и перчатки со шляпой — бытовые атрибуты, часть мужского гардероба XVIII века — создают вместе с «Лелей», Амурами и колесницей в виде раковины комическое смешение стилей, характерное для бурлеска.

Ему все наяву казалось,
И он немало оробел,
Как провожатые схватили
Его проворно под плеча
И в колесницу посадили,
Приказ от Лели получа

(ч. 16, с. 61).

Под «провожатыми» в тексте понимаются, видимо, остальные боги любви, Амуры, «мальчики крылатые». Выше этих греческих богов любви Козодавлев ставит славянского Лелю, проявляя своего рода патриотизм.

Во второй половине XVIII века русские писатели широко пользовались атрибутикой, основанной на античных мифологических сюжетах и персонажах. Среди произведений сказочного жанра особенно знаменита поэма-сказка И. Ф. Богдановича «Душенька. Древняя повесть в вольных стихах», в 1783 году изданная в Санкт-Петербурге. Впервые она появилась в печати в 1778 году, в Москве, под названием «Душенькины похождения».⁹² Она была создана на основе сказки Ж. де Лафонтена, написанной, в свою очередь, по мотивам древнегреческой легенды о Психее и Амуре. Сказку Богдановича встретили с энтузиазмом, таким же, какой пришелся на долю «Фелицы» Державина, который сделал новый шаг в жанре оды и так же, как и Богданович, сблизил мир богов и реальность. Используя классический античный сюжет, Богданович попытался в «Душеньке» создать русскую сказку, опоэтизировать отечественные нравы, отчасти и заместить пантеон классицизма древнеславянскими легендами, как их тогда понимали. Этим же приемом воспользовался и Козодавлев в своей сказочной поэме. Нам известно, что Козодавлев не был равнодушен к работе Богдановича, ведь он сам упоминает о «Душеньке» в «Письме к Капнисту», опубликованном в восьмой части «Собеседника»: «Вам не безызвестно, в каком состоянии находятся науки и стихотворство там, где они обретают себе покровителей. В России таковые покровители еще нужнее, нежели в других государствах, поелику публика наша не очень еще охотно читает российские стихотворения; “Душенька” и многие другие сочинения в стихах лежат в книжных лавках не проданы тогда, когда многие переведенные романы печатаются четвертым тиснением. По сему стихотворцы наши не могут еще без покровителей надеяться на одобрение публики; им надобны защитники. Вы, думаю, помните стихи Ломоносова к Меценату его времени писанные: “Довольно таковых родит сынов Россия,

⁹² См.: *Серман И. З.* Комментарии // Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 225—230.

Лишь были б всегда защитники такие, Каков ты промыслом в сей день произведен, Для щастия наук в отечестве рожден”. Во всех государствах как древних, так и новых времен, опытами доказано, что стихотворство без покровителей процветать не может...» (ч. 8, с. 74—75).

В «Письме к Капнисту» Козодавлев упомянул о «Душеньке» лишь один раз, но очевидно, что он относился к этой сказке Богдановича с интересом.

Набор богов в «Сновидении», конечно же, напоминает читателям именно о Психее и Амуре — сюжете, на основе которого Богданович написал «Душеньку». В этой связи стихотворная сказка Козодавлева принимает на себя такую же роль в «Собеседнике...», как и «Письмо к Ломоносову», «Исторические рассуждения», в которых изложена история «Собеседника», «Письмо к татарскому Мурзе» и др.

В «Письме к Ломоносову», Козодавлев отдает должное великому автору, произведения которого часто публиковались на страницах журнала. Более того, к концу стихотворения он упоминает о его «последователе», называющем себя Мурзой, имея в виду Державина.

В статье «История “Собеседника любителей русского слова”» Козодавлев пишет также о литературных фигурах, которые заложили основы новой русской литературы XVIII века. Он высоко оценивает работу Ломоносова и Сумарокова, соотнося их друг с другом. Затем он переходит к истории появления журнала «Собеседник...», отмечая прежде всего Державина, который сыграл значительную роль в этом журнале и «Фелица» которого была помещена на первых страницах первого тома этого издания как ода, поддерживающая и воплощающая идею журнала.

Таким образом, вплоть до прекращения издания журнала Козодавлев пытался привлечь внимание читателей именно на тех из авторов, кто внес, с его точки зрения, наибольший вклад в становление русской национальной

литературы, и одновременно на тех, кто сыграл важную роль в журнале «Собеседник...». Среди них присутствует имя Богдановича.

Хотя очевидно, что эпизод с Клитоном был написан по мотивам греческих мифов и с соблюдением условностей поэтики классицизма, обращает на себя внимание и другой аспект этого стихотворения, который мы считаем более тесно связанным с интересом Козодавлева к своему времени, чем мифологическая тема. По нашему предположению, Козодавлев отразил в окончательной редакции этого произведения свой интерес к теме образования, что можно подтвердить обращением к структуре произведения. Особенно анализ вступительных слов позволяет понять цель Козодавлева при создании этой поэмы-сказки. Для того чтобы выяснить, в чем состоял особый интерес Козодавлева к мотиву сна, рассмотрим подробнее вступление ко сну Клитона.

2.2.2. Тема семейного образования

а) События 1780-х годов

Для начала необходимо обратить внимание на то, что к теме детского образования привели Козодавлева, несомненно, исторические события этого времени. В 1782 году Екатерина II создала Комиссию об учреждении народных училищ; задача реформирования русских учебных заведений привлекла внимание и Козодавлева. Напомним, что он даже непосредственно упоминает школьную реформу в «Письме к Ломоносову»:

Екатерина здесь, как будто некий бог,
Премудростью своей сим царством управляет:
Что к пользе вздумает, речет — и созидает.
Драгих ей подданных желая просветить,
В иноплеменников не тщится превратить.

К отечеству любовь в их души вкореня
И мрак невежества наукой истребляя,
Старается из них соделати граждан,
Детей отечества, счастливых россиян.
Чтоб истину открыть любимому народу,
И мыслить и писать дает она свободу,
И, словом, здесь уму препон постыдных нет.
Премудрости ее везде сияет свет.
Она училища народу учреждает
И мыслящих людей из россос сотворяет.
Побед, премудрых дел и свойств души ея
Достойно, признаюсь, воспеть не в силах я
(ч. 13, с. 170).

Кроме того, к проекту реформы образования Козодавлев относился не просто как наблюдатель со стороны, а как один из деятелей реформы: в том же 1784 году он был назначен членом названной комиссии, а после прекращения публикации журнала стал директором народных училищ Санкт Петербургской губернии.

Но в «Письме к Ломоносову» Козодавлев по форме остается, так сказать, наблюдателем и упоминает об этой комиссии только для того, чтобы прославить деятельность императрицы. Иная его позиция в «Сновидении». В этом стихотворении Козодавлев, как мы считаем, ставит педагогическую задачу — он посвящает стихотворение теме семейного чтения с ребенком, что и видно из вступительных слов. Рассмотрим, каким образом автор строит эту картину, и какое она имеет значение в повествовании в целом.

б) Картина семейного образования в сказке

Первоначальные строфы стихов «Сновидения» посвящены воспоминанию рассказчика о своей мамушке, которая часто рассказывала ему о сне Клитона.

Моя рассказывала мама
Частенько сказочку об нем.
Сия возлюбленная дама
Довольно знала обо всем,
И прозу, и стихи читала,
Рассказывала сказки мне...

(ч. 16, с. 54)

Рассказчик тепло относится к своей покойной няне — «мамушке». Он пишет о ее образованности — что было, конечно, юмористическим вымыслом: нянька превратилась в ученую даму, почти в Музу.

Она примешивать старалась
То часто в повестях своих,
О чем и в книгах начиталась,
И что слыхала от других.
Она Гомера даже знала,
За ним любила подремать;
Хотя стихов и не писала,
Но можно к чести ей сказать,
Покойница была не дура...

Из этих строф можно понять, что мамушка «обрушивала» на ребенка едва ли не весь груз ученой античности. Это было отражение в юмористической форме серьезной заботы русских литераторов о восприятии зарубежной

литературы, которое должно было служить культурному обогащению, повышению образованности, просвещению русских читателей.

По нашему мнению, Козодавлев пытается здесь изобразить именно семейную картину, ведь его интерес к семейному делу проявляется уже в «Приятном путешествии», которое мы проанализировали выше (в описании семейной жизни добродетельного хозяина). Намного позже Козодавлев в газете «Северная почта» помещал, наряду со статьями об академических заведениях и о промышленных технологиях, и новости о талантливых детях, и, например, о матери, которая проявила самоотверженность, защищая своего ребенка. Эти факты показывают, что в работах Козодавлева постоянно присутствовала тема семейных отношений.

в) Истолкование сна

По воспоминанию рассказчика, «сия возлюбленная дама» занималась и истолкованием снов:

...Рассказывала сказки мне,
И все то утром толковала,
Что ночью видел я во сне

(ч. 16, с. 54).

Истолкование снов также можно отнести к характеристике образованности няни. В связи с этим напомним, что в «Илиаде» Гомера, за чтением которого образованная няня «любила подремать», одному персонажу удается с помощью Зевса доставить своему врагу «вещий сон», на самом деле ложный, предназначенный для обмана врага. У Гомера под «сном» подразумевалось «предсказание». В «Сновидении» Козодавлева «истолкование сна» не является ли также «истолкованием предсказания»?

Тема «сна» являлась в литературе этого времени распространенным сюжетным приемом для изложения философских и эстетических мыслей. В этом отношении полезно упомянуть о том, что в середине и во второй половине XVIII века в России появлялось немало произведений, написанных в виде «сна», «сновидения» или таких произведений, где мотив сна играет большую роль: «Событие сновидения» и «Продолжение следствия моего сновидения. Письмо к наборщикам второе» (1761—1763) А. А. Ржевского, «Сон, виденный в 1765 году генваря 1-го» Ф. Эмина (1765). А. П. Сумароков написал «Сон, счастливое общество» (1759), где речь идет об утопическом обществе. Позднее, в 1780 году, было опубликовано «Аристовула, греческого философа, сновидение о человеке», перевод одного из «Сновидений» из книги «Сны Аристовула» («Les rêves d'Aristobule»), автором которого был П.-Ш. Левек (Pierre-Charles Levesque, 1736—1812).⁹³ В 1792 году на страницах журнала «Дело от безделия» также находим «Сновидение». «Опыт о сновидении», переведенный с английского, был опубликован на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» (1780—1781) и т. д. Еще примечательно, что в том же «Собеседнике...» был помещен роман В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» (ч. 13, 14 и 16), где изображается фантастический полет на Луну, который в конце оказывается событием во сне героя.⁹⁴

⁹³ П.-Ш. Левек, французский историк, написал несколько философских статей, обративших на него внимание Дидро, который рекомендовал его Екатерине II. Левек был приглашен в Петербург и назначен преподавателем в Кадетский корпус, где оставался до 1780 года. Книга имела успех, быстро разошлась, и в 1783 году Н. И. Новиковым было выпущено второе, более полное издание.

⁹⁴ В связи с темой утопического полета, добавим, между прочим, что Б. Ф. Егоров в своей статье упоминает об этом романе В. А. Левшина (*Егоров Б. Ф. Утопические полёты на Луну // Филологическому семинару 40 лет. Смоленск, 2008. С. 267—274*).

В истории литературных «снов», хотя между ними есть различия в цели использования сюжета сновидения, важную роль играет соприкосновение сферы реальности и идей. «Теория снов» в европейской культуре берет начало в античности. Аристотель развивал понятие сна в трактатах «О сновидениях» и «О предсказаниях во сне», которые входят в его «Малые естественнонаучные произведения». Он определяет сон как реакцию организма на концентрацию мысли и отрицает божественное происхождение сновидений, включая их в круг явлений природы. По его мнению, сновидение является результатом деятельности наших органов чувств.

Хотя по сравнению с другими философскими работами Аристотеля,⁹⁵ его сочинения, включающие в себя тему сновидения, были значительно менее

⁹⁵ Работы Аристотеля были хорошо известны в Европе, но, по словам Т. В. Чумаковой, «в отличие от Западной Европы, где нужды догматики и богословия способствовали развитию аристотелизма, в России, где догматика не развивалась вплоть до XVI века, произведения Аристотеля интересовали лишь очень узкий круг образованных людей, знакомых с ним, возможно, по греческим подлинникам, либо по латинским переводам» (Чумакова Т. В. К вопросу о рецепции Аристотеля в древнерусской культуре. СПб., 2004. С. 256). Относительно истории переводов из Аристотеля в России XVIII века словарь «Русско-европейские литературные связи. XVIII век» и «Сводный каталог гражданской печати XVIII века» сообщают о появлении нескольких его философских и нравоучительных сочинений: «...в России XVIII в. публиковались в переводе с латинского “Рассуждения Аристотелевы о добродетели и пороках” (СПб, 1787), а также “Описание человеческих нравов из 2 книги Аристотелевой Риторике” (Ежемесячные сочинения к пользе и увеселениям служащие. 1757. Т. VI. С. 431—445) и там же пер. Г. Полетики “Аристотеля о гражданском учреждении книга II” (СПб., 1757. Июнь. С. 483—557). На протяжении XIX в. появилось немало пер^{еводов}, до сих пор не утративших научного значения (например, Э. Л. Радлова). За пределами специальных исследований к Аристотелю обращалась мысль славянофилов (А. С. Хомяков «Аристотель и всемирная выставка»)» (Русско-европейские литературные связи. XVIII век. Энциклопедический словарь. СПб., 2008. С. 278). Хотя в России в конце XVII века появился

известны и изучены в России XVIII столетия, вполне вероятно, что в Лейпцигском университете у Козодавлева была возможность познакомиться с мнением Аристотеля о сновидениях. Правда, Козодавлев непосредственно не упоминает имя этого философа в своем стихотворении. Но, исходя из контекста произведений этого времени на тему «сна» и из известности Аристотеля, можно допустить с большой долей вероятности, что, описывая, как нянька рассказчика занималась истолкованием снов, Козодавлев хотел показать ее за занятием, ученость которого подтверждается классической теорией. Иными словами, Козодавлеву было необходимо продемонстрировать, как с детских лет развивалось мировоззрение и мир чувств его героя. Так что истолкование снов в этом повествовании имеет в определенном смысле педагогическое значение.

2) Комментарии рассказчика в эпизоде с Клитоном

Перейдем к главному эпизоду «сна Клитона», при анализе которого нужно учитывать и «рамочную» историю: рассказчик вырос, получив семейное образование, в частности, слушая не только сказки, но и толкования снов. Повествуя о Клитоне, рассказчик иногда прерывает эпизод отступлениями «от себя». Иначе говоря, услышанную в детстве сказку о Клитоне рассказывает человек, ставший уже взрослым, добавляя к самой истории свои личные комментарии. Например, вот замечания о спящем Клитоне:

Но как Клитон не пробудился,
Непостижимо то уму.
Такое чудо пред глазами
Увидеть в первой раз во сне,
Идти, и говорить с богами,

рукописный перевод 1-й книги «Физики» (сохранилось два списка), но только с середины XVIII века начинают издаваться произведения Аристотеля.

И не проснуться — странно мне!
Морфеева конечно сила
Покрывши спящего крылом,
Его так крепко усыпила,
Что уже ни самой сильной гром,
Ни страшная мечта какая
Не в силах разбудить его.
Клитон, так крепко почивая,
Не мог вообразить того,
Чтобы во сне ему мечталось
Все то, что пред собою зрел;
Ему все наяву казалось,
И он немало оробел,
Как провожатые схватили
Его проворно под плеча,
И в колесницу посадили,
Приказ от Лели получа

(ч. 16, с. 61).

Рассказчик повторно напоминает о том, что эпизод является лишь сном:

Великолепное светило,
Во красоте своей являсь,
В Клитоне сердце восхитило.
Сему он зрелищу дивясь,
Почувствовал такую сладость,
Что позабыл свой прежний страх;
Он зрит, он чувствует — но ах!

Не на яву, во сне — природы
Невиданную красоту.

Клитон, во сне взволнованный полетом, ощущает одновременно восхищение и страх от красоты и величия природы. Сам полет вызывает следующие комментарии рассказчика:

Наверх несется колесница;
Клитон со страхом в ней сидит.
И восхищение пропало,
С которым он натуру зрел:
В нем сердце сильно трепетало,
От страха он глядеть не смел.
По воздуху летать опасно,
Кто что теперь ни говори.
Сие искусство мне ужасно, —
По мне оно огнем гори.
Пускай одне лишь только птицы
По воздуху себе парят.
Шары, воздушны колесницы,
И Монгольфьеров весь снаряд
Меня нимало не прельщают,
Таких я выдумок страшусь,
Хоть их и много похваляют,
Летать я право не пушусь.
Клитону же тогда казалось,
Сие искусство колдовством;
Ему вить слышать не случалось,

Тогда ни от кого о том,
Чтоб люди в воздухе летали;
Никто о том не помышлял,
В газетах также не писали,
И словом, каждый почитал
Сие искусство невозможным

(ч. 16, с. 63)

Из этих строф можно понять, что рассказчик отрицательно относится к самому полету, — не столько из-за его технической сложности в те времена, но из-за вызываемых полетом душевных потрясений.

д) Незаконченная история

Козодавлев не закончил свое произведение, и для читателей осталось неясным, как именно автор собирался развивать этот сюжет. Стоит привести несколько произведений, представляющих читателям «мотивы сна», для того чтобы ясно представить разницу между «Сновидением» Козодавлева и другими сочинениями. В «Сновидении», опубликованном на страницах журнала «Московское ежемесячное издание» (1781; автор неизвестен), рассказчик засыпает и видит во сне, как его проводит в загробный мир философ Сенека. Рассказчик и Сенека встречаются с разными людьми, каждый из которых отвечает на вопросы о смерти (тема смерти — одна из важнейших в философии Сенеки-младшего). В конце концов, герой «Сновидения» просыпается.⁹⁶

Главной темой этого произведения было «размышление о смерти человека». Журнал «Московское ежемесячное издание» издавался как продолжение журнала «Утренний свет», в котором публиковались философско-

⁹⁶ Сновидение // Московское ежемесячное издание. 1781. С. 31—39.

нравоучительные произведения и статьи. Это «Сновидение» также входило в число подобных сочинений.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева путешественнику снится сон о себе в роли дурного монарха, который принято рассматривать в связи с критическим отношением Радищева к деспотизму. С явным намеком на жизнь русского общества пишет «Сновидение» и А. П. Сумароков, в этом случае автор пользуется словом «сновидение» в значении «идея».

У большинства подобных произведений сходная композиция: рассказчик подвергается необычному и нереальному испытанию во сне, через которое он приходит к ответам на занимающие его вопросы — нравоучительные, политические и проч. Обычно такой эпизод заканчивается пробуждением персонажа ото сна.

Повторим, что сон в стихотворении Козодавлева не закончился, и нам неизвестно, чего Клитон добился или чего он не добился, так как автор не описал момент пробуждения героя. В конце стихотворения, напомним, стоят слова «продолжение впредь». Козодавлев опубликовал в той же части журнала статью, в которой говорится об истории появления «Собеседника...». Стремление к подведению итогов говорит о том, что в качестве одного из редакторов «Собеседника...» Козодавлев, должно быть, был готов к прекращению этого журнала. И тем не менее, он поместил там «Сновидение», обещая продолжение, которое не было опубликовано. Сравнивая сон Клитона с рассказами других «сновидцев», можно предположить, что Козодавлеву было важно и интересно начать это стихотворение темой «семейного образования», притягивающей к себе его внимание в связи с просветительскими идеями, а завершение стихотворения, видимо, не входило в его планы.

Однако, чтобы лучше понять цели Козодавлева, связанные с этим незаконченным стихотворением, сравним «путешествие» Клитона с «Приятным

путешествием» из первой части того же журнала. Как мы старались показать в первой половине данной главы, три произведения Козодавлева: «Приятное путешествие», «Стихи Клелии» и «К другу моему...» — собираются в цепочку произведений, посвященных теме чувств. А одним из внешних опознавательных знаков для выделения этих текстов как единого целого, как нам представляется, служило имя Клелия. Хотя в «Сновидении» также появляется это имя, мы не можем с полной уверенностью включить его в обозначенную нами совокупность, поскольку, судя по подписи «Сочинитель...», оставленной под стихотворением «К другу моему...», Козодавлев завершал комплекс произведений именно этим стихотворением.

Однако при сравнении «Сновидения» с «Приятным путешествием» стихотворение обнаруживает с ним сходство по своей повествовательной структуре. Кроме того, их можно рассматривать как части единого замысла потому, что одно произведение было опубликовано в первом, а другое — в последнем номере «Собеседника...». По нашему предположению, Козодавлев, редактор этого журнала, намеренно поместил их в первом и в последнем номерах.

В начале «Приятного путешествия» описывается красота природы и волнующее чувство путешественника, вспоминающего потерянную любовь Клелии, после чего история переходит к его встрече с хозяином и к эпизоду с богачом. Что касается истории Клитона в «Сновидении», то она имеет подобную же композицию: страдая от любви к Клелии и бесплодных поисков девушки, Клитон в отчаянии возвращается домой. Там, заснув, он видит чудесный сон. Общая тема обоих произведений: герой, потеряв любовь Клелии, получает неожиданным способом утешение (рассказ хозяина в «Путешествии» и сон в «Сновидении»). Однако «Сновидение» отличается от «Приятного путешествия» вступлением, которое сообщает предысторию самого рассказчика, а также финальной частью. В «Приятном путешествии» эпизод

завершен, в результате чего рассказчик-путешественник смог избавиться от любовных страданий, между тем как в «Сновидении» он обрывается на сне героя.

Хотя у нас нет точных оснований для предположения, чем именно Козодавлев закончил бы «Сновидение», если бы он дописал его до конца, предположим, что он мог бы прийти к такому же нравоучительному выводу, как в «Приятном путешествии», и избавить Клитона от тоски по утраченной любви (например, таким же, как в «Приятном путешествии», поучением в добродетели). С другой стороны, однако, мы не можем решиться на такой прямой вывод. Клитон, попадая в украшенный чертог, слышит там «приятный глас», что намекает на возможность появления его возлюбленной:

Он видит сад перед собою,
На яшмовый ступив балкон.
Сей сад природы красотою,
Его зовет из комнат вон;
Но вдруг в чертогах поражает
Приятный глас Клитонов слух;
Божественный сей глас пленяет
Наполненный любовью дух.
Он слышит пение небесно,
Как будто Тоди там поет,
Которая в восторг чудесно
Сердца чувствительны влечет.
(Продолжение впереди)

(ч. 16, с. 69)

Здесь красивый голос сравнивается с голосом Тоди. По всей вероятности, имеется в виду известная Луиза Роза Тоди (1753—1833), уроженка Португалии. Выступая в театрах различных европейских стран, она стала знаменитостью.⁹⁷ В мае 1784 года она с мужем и с детьми приехала в Санкт-Петербург, имела там большой успех, получала и подарки от Екатерины II.⁹⁸

⁹⁷ *Риман Г.* Музыкальный словарь / Пер. с 5-го немецкого изд. Б. Юргенсона и дополнения под ред. Ю. Энгеля. СПб., 1896. С. 1269.

⁹⁸ В связи с именем Тоди добавим, что в истории театра известна и другая певица по фамилии Тоди, а именно Мария Франческа Лючия Тоди (Maria Francesca Lucia Todì, 1748—1793), которая также пела в Петербурге в 1784 году (См.: *Wahnrau G.* Berlin: Stadt der Theater. Leipzig, 1957. Т. 1. С. 151—152; *Dictionnaire historique des musiciens.* Paris, 1811. P. 380; *Dictionary of musicians from the earliest ages to the present time.* London, 1824. P. 481; *Biographischer Index: Rußland und der Sowjetunion.* München, 2005. S. 3565, и т.д.). Отметим, что Радищев также упоминает имя Тоди в своем «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь…» — Поющий сию народную песнь, называемую “Алексеем, Божиим человеком”, был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженный толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримого, заставляли взирающих на певца предстоять ему со благоговением. Неискусный хотя его напев, но нежностью изречения сопровождаемый, проникал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели возвращенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди» (*Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М., 1938. Т. 1. С. 373). Имелись в виду Катарина Габриелли (1730—1796), Луиджи Маркези (1755—1829), Мария Франциска Лючия Тоди. О Тоди в комментариях В. А. Западова к этому произведению сказано: «Мария Франциска Лючия Тоди (1748—1793) была в России в 1780 г, а затем в 1784—1787 гг.» (*Западов В. А.* Примечания // *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву, Вольность. СПб., 1992. С. 667). В комментарии Г. П. Макогоненко и П. Н. Беркова к «Письмам русского путешественника» указывается, что Мария Франческа Лючия Тоди пела в Москве с 1784 по 1787 год (См.: *Карамзин Н. М.* Избранные соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 790). Здесь не делается различия между Луизой Тоди и Марией Тоди. В примечаниях Ю. М.

Вернемся к тексту «Сновидения». К теме любви Козодавлев обращается во всех указанных произведениях («Приятное путешествие», «Стихи Клелии», «К другу моему...»). Правда, он считает, что лучше избавиться от страданий любви, но ценит силу чувств, способствующих развитию души человека. Поэтому стихи могли бы и не заканчиваться отказом от любви. Полагаем, тем не менее, что самой важной задачей для Козодавлева была не любовная интрига, а вопрос о семейном образовании.

Во второй половине 1780-х и в 1790-е годы постепенно усиливаются тенденции сентиментализма в художественной литературе, но Козодавлев остается, так сказать, на срединной позиции, поскольку его занимало в первую очередь не литературное творчество само по себе, а выражение в нем проблематики просветительства, образования. Он и в «Сновидении» пишет о подражательности своего стихотворства, которое для него не главное занятие, о том же — и в «Письме к Ломоносову»,⁹⁹ и в стихотворении-отклике на творчество Державина. Незаконченность «Сновидения» имеет, таким образом, не случайную, но, на наш взгляд, вполне весомую мировоззренческую причину. Она означает, что Козодавлев остается на стороне практического просвещения-просветительства и не намерен продолжать карьеру писателя.

Лотмана к «Письмам...» Карамзина имя Тоди объясняется следующим образом: «Португальская певица Луиза Роза д'Агьяр Тоди (1753—1833) пела в опере Иоганна Готлиба Наумана (1741—1801) “Медея в Колхиде”. Певица гастролировала в крупнейших столицах Европы. О ее выступлениях в России упоминает Радищев в “Путешествии из Петербурга в Москву” (глава «Клин»)» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. Л., 1987. С. 621 (Литературные памятники)). Т. Ливанова также считает Тоди, упоминаемой у Радищева, Луизу Тоди, которая в 1784 году выступала вместе с Луиджи Маркези (см.: *Ливанова Т. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы*. В 2 т. М., 1952. Т. 1. С. 153).

⁹⁹ «Побед, премудрых дел и свойств души ея достойно, признаюсь, воспеть не в силах я» (ч. 13, с. 170)

2.2.3. Мотив воздушного шара Монгольфье: отклик Козодавлева на событие 1783 года во Франции и на статью Виланда

Как видно из предпринятого нами анализа текста «Сновидения», его главная тема – детское образование, которым Козодавлев займется в ближайшем будущем. Обратим теперь внимание на литературный образ, напрямую отражающий общественное событие того времени, что поможет нам реконструировать в «Сновидении» идею Козодавлева, связанную с межкультурным сопоставлением.

Напомним, что Клитон, во сне оказавшись в летающем экипаже, испытывает волнение. Между описаниями его колебаний рассказчик уделяет несколько строк своим личным комментариям к полетам в небеса. По его словам, «по воздуху летать опасно, кто что теперь ни говори», причем он упоминает имя «Монгольфьеров» как отрицательный пример. Для понимания значения этого мотива необходимо учитывать историю воздухоплавания 1780-х годов.

В 1783 году во Франции братья Монгольфье («Монгольфьеры») добились успеха в испытаниях полетов на воздушном шаре, что стало сенсацией в обществе, следовательно, не только специалисты в области техники, но и литераторы и художники с большим интересом следили за дальнейшими событиями. В России после успеха полетов во Франции также проходили эксперименты, сначала в Санкт-Петербурге, 24 ноября того же 1783 года, затем 19 марта 1784 года в Москве.

Даже только судя по проведенным в России полетам, можно утверждать, что Козодавлев не должен был остаться равнодушным к этому событию. О воздушном полете он упоминает не только в «Сновидении», но и в «Письме к Ломоносову», в котором пишет:

К тебе, великий муж, и честь и слава россов,
Бессмертных од творец, бессмертный Ломоносов,
К тебе послать письмо на тот желаю свет;
Но как у нас туда известной почты нет,
То я его теперь к тебе не отправляю,
А, напечатав здесь, дотоле оставляю,
Доколь какой-нибудь нам остренький француз
При глазе нынешних парижских легких муз,
Летая в воздухе, найдет к тебе дорогу.
Французы, думаю, хотя и понемногу,
Нам будут открывать небесные пути,
По коим и к тебе всё можно довести
(ч. 13, с. 176).

Как отмечено в примечаниях к Собранию сочинений Ломоносова (1980), в строчках «летая в воздухе» имеется в виду успешный полет братьев Монгольфье 1783 года. Попробуем внести уточнения в контекст этого упоминания, имея в виду, что «Монголфиер» в «Сновидении» ранее не комментировался.

В каждом из двух произведений автор говорит о воздушном шаре в разных аспектах. В «Письме к Ломоносову» он воспользовался этим мотивом лишь как фантастическим способом доставить почту умершему поэту. В «Сновидении» слова рассказчика, критически относящегося к полету по воздуху («таких я выдумок страшусь, / Хоть их и много похваляют, / Летать я право не пуцусь»), вряд ли прямо отражают личное мнение автора. Наоборот, Козодавлев как государственный деятель признавал важность прогресса в естественнонаучной и технической отраслях. Упоминание рассказчика о Монгольфьерах заставляет нас поразмышлять о такой детали: если Козодавлев

воспользовался мотивом воздушного шара из-за его популярности в это время, то какие отклики были в его поле зрения? Обратим внимание на отношение немецких писателей к успехам экспериментальных полетов во Франции. Воздушный полет 1783 года и публикации об этом событии, появившиеся позже и написанные рукой самого изобретателя, вызвали ажиотаж и среди немецких писателей, среди которых находился Виланд. Он с большим интересом воспринял это событие, в чем можно убедиться по его статьям и стихам, опубликованным на страницах журнала «Der Teutsche Merkur» за 1783 год. В этом журнале, хорошо знакомом русской публике, читающей по-немецки, была помещена статья под названием «Aeropetomanie», а потом, в начале 1784 года еще одна, «Die Aeronauten oder fortgesetzte Nachrichten von den Versuchen mit der Aerostatischen Kugel». В статье, как отмечено А. Менхеннетом, Виланд отнесся к французскому событию и с похвалой, и не без иронии: уделив теме воздушных полетов много страниц, немецкий автор в то же время изобразил отклики французской публики на сенсацию в сатирических тонах. Менхеннет говорит о работе Виланда «Аэропетомания»: «Wieland was himself a sensitive and poetic soul, as well as a realist and a clear thinker, and the topic of balloning attracted him on imaginative, as well as on practical and scientific grounds».¹⁰⁰

Кроме этой статьи, Виланд в том же номере 1783 года опубликовал поэму «Клеллия и Синибальд», где также говорится о «Монгольфьере»:

Der launenvolle Gott (wenn anders nicht der Titel
Für ihn zu vornehm ist) der, ohne Zweck und Mittel,
Von Vorbedacht und Regeln ungezwängt,

¹⁰⁰ «Виланд сам был человеком, имевшем восприимчивую и поэтическую душу, но также и реалистом и ярким мыслителем. Поэтому тема воздушного шара увлекла его и с точки зрения воображения, и с точки зрения естественных наук» (*Menhennet Alan. The “Romanticism” of a Rationalist: Wieland and the Aeronauts // Lessing Yearbook. 1981. XIII. P. 229—251.*

Sich unterm Mond so gern in alles mengt;
Der den Montgolfiers erfinden,
Dem Zeuxis mahlen half, und Cäsarn überwinden...¹⁰¹

Перевод:

«Капризный бог (если не найти другого наименования, достойного его), который, без цели и без способов, свободный от предрассудков и от правил, любит вмешиваться во все дела под луной; Бог, который помог изобрести монгольфьер, помог Зевксису рисовать, а Цезарю побеждать...»

Хотя нет материалов, доказывающих, что Козодавлев читал именно эту статью и эти стихи Виланда, можно с уверенностью сказать, что он держал в руках «Немецкий Меркурий», поскольку сам был поклонником немецкой культуры и литературы, а также упоминал имя этого немецкого писателя и его персонажа в «Приятном путешествии». К этому добавим, что Козодавлев в конце своей статьи «Рассуждение о народном образовании в Европе» наряду с именем Лессинга называет и Виланда.

Возвращаясь к «Сновидению» Козодавлева, предположим, что сдержанное отношение рассказчика к полетам на воздушном шаре могло отражать его неприятие галломании. Воспринимая положительно саму новинку, появившуюся во Франции, он в то же время, стремясь к объективному взгляду, принимал во внимание отклики авторитетных для него немецких литераторов, интересующихся событиями в области технического прогресса, в том числе и мнение Виланда.

Разобравшись в значении мотива воздушного шара в «Сновидении», мы можем дать и более убедительный комментарий к тому же мотиву в «Письме к

¹⁰¹ *Wieland C. M. Klelia und Sinibald // Wieland C. M. Sämmtliche Werke. Leipzig: bey Georg Joachim Göschen, 1796. Bd 21. S. 295.*

Ломоносову», а именно, что строчки «Доколь какой-нибудь нам остренький француз, / При гласе нынешних парижских легких муз, / Летая в воздухе, найдет к тебе дорогу. / Французы, думаю, хотя и понемногу, / Нам будут открывать небесные пути, / По коим и к тебе всё можно довести» явно окрашены иронией.

Добавим, что позже Карамзин также сделает замечание в «Письмах русского путешественника» о событии, связанном с испытательным полетом на воздушном шаре: «Господин Д*, гуляя со мною третьего дни в Люксембургском саду, рассказал мне забавный случай. В 1784 году, июля 8, собрался там почти весь Париж, чтобы видеть воздушное путешествие аббата Миолана, объявленное через газеты. Ждут, два, три часа: шар не поднимается. Публика спрашивает, когда начнется эксперимент? Аббат отвечает: “В минуту!” Но приходит вечер, а шар ни с места. Народ теряет наконец терпение, бросается на аэростат, рвет его в клочки, а Миолан спасается бегством. На другой день в “Пале-Рояль” и на всех перекрестках савояры кричат: “Кому надобно изображение славного путешествия, счастливо совершенного славным аббатом Миоланом, — за копейку, за копейку!”

Аббат после того умер гражданской смертию, то есть не смел казаться в люди. Смешная история должна была кончиться новым смешным анекдотом. Господин Д* скоро после Миоланова бедствия был в партере Оперы и смотрел на балет. Вдруг приходит высокий человек, аббат, становится перед ним и мешает ему видеть сцену. “Посторонитесь, — говорят ему, — здесь довольно места”. Гигант не слушает, не трогается; смотрит и не дает другим смотреть. Молодой адвокат, который стоял подле господина Д*, сказал ему: “Хотите ли, чтобы я выгнал высокого аббата?”—“Ах, ради Бога! Если можете”.— “Могу”, - и тотчас начал шептать на ухо всем, стоявшим вокруг его: “Вот аббат Миолан, который обманул публику!” Вдруг десять голосов повторили: “Вот аббат Миолан!” Через минуту весь партер закричал: “Вот аббат Миолан!”, и все

указывали пальцем на высокого человека, который в изумлении, в досаде, в отчаянии направо и налево кричал: “Государи мои! Я не аббат Миолан!” Но скоро и во всех ложах раздался голос: “Вот аббат Миолан!”, так что высокому человеку, который назывался совсем не Миоланом, надлежало, как преступнику, бежать из театра.

Господин Д*, умирая со смеху, изъявлял благодарность молодому адвокату, между тем как партер и ложи, заглушая музыку, кричали: “Вот аббат Миолан!”».¹⁰²

Карамзин пишет не об успешном полете, совершенном в 1783 году, а о последовавшем за ним неудачном испытании и откликах французской публики на подобные случаи, причем явно в насмешливом тоне, что может подкрепить наше предположение о причинах неоднозначного отзыва Козодавлева о Монгольфьерах. Легкость перехода в реакции публики от восторга к презрению могла если не отталкивать от самого изобретения, то стать поводом к критическим размышлениям. Возможно, Козодавлев упоминал бы воздушный шар в намного более выгодном контексте, будь изобретение сделано в немецких землях.

В нашем анализе мы стремились выявить то, как отразилась в художественном творчестве писателя совокупность проблем, связанных с педагогико-просветительской областью и волновавших, на наш взгляд, Козодавлева как в период создания «Сновидения», так и на протяжении всей его литературной карьеры: детское образование, отношение к культурным заимствованиям у Франции, создание национального произведения с использованием мифологических мотивов — международного «языка» античной культуры. «Сновидение», впервые после публикации «Письма к Ломоносову», может быть определено как литературное выступление, которое,

¹⁰² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 409—410.

пусть и в форме шутки, включало в себя все, к чему Козодавлев стремился в это время.

Глава 3. Статьи о «Детском музее» в «Северной почте, или Новой Санкт-Петербургской газете»

М. И. Сухомлинов пишет, что «труды по учреждению и устройству народных училищ, а потом обязанности обер-прокурора, сенатора и, наконец, министра лишали Козодавлева возможности участвовать в литературном обществе, членом которого он был когда-то не по одному только имени».¹⁰³ Как и указано Сухомлиновым, Козодавлев, занимая официальные должности на протяжении многих лет, постепенно отошел от литературной жизни. В особенности это касается времени правления Александра I, при котором Козодавлев выражал себя прежде всего на бюрократическом поприще. Закончив службу в екатерининской Комиссии об учреждении народных училищ, он стал обер-прокурором 3-го департамента Сената (1798). Под его руководством был издан «Общий гербовник дворянских родов Российской империи» (1800). В 1801 году он был членом Комиссии о пересмотре уголовных дел, в 1807-м продолжил карьеру в Министерстве внутренних дел. С 1808 по 1812 год Козодавлев председательствовал в новом комитете, пересматривавшем законодательство о евреях. В 1810 году он был назначен членом Государственного совета, а с 1811 по 1819 год, до смерти, был министром внутренних дел. Помимо того, в 1816 году он временно управлял Министерством юстиции, в 1817 году — Главным управлением духовных дел иностранных исповеданий, а в 1818 году — Министерством народного просвещения.

Итак, литературные работы Козодавлева, имевшие явную просветительскую направленность, приходится на 1770—1780-е годы. А при Александре I, будучи уже министром внутренних дел, Козодавлев посвятил

¹⁰³Сухомлинов М. И. О. П. Козодавлев. С. 350.

свои последние десять лет жизни газете «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» (1809—1819).

«Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» издавалась дважды в неделю в течение десяти лет.¹⁰⁴ В ее подзаголовке впервые в России значилось слово «газета». Эта газета была составлена из разделов: «Внутренние известия»; «Зарубежные известия»; «Смесь»; «Таблица цены товаров». Последние два раздела составлялись нерегулярно. Козодавлев, по словам Сухомлинова, «смотрел на издание газеты как на одну из самых серьезных задач, выпавших на его долю».¹⁰⁵ Он собирал сведения из разных мест, писал статьи, посвященные темам промышленности, политических и экономических отношений государств, научным и техническим открытиям, новым книгам и проч. Ради исполнения своих обязанностей перед читателями газеты Козодавлев тратил даже собственные деньги.

Некоторые современники Козодавлева относились к его журналистскому пристрастию неодобрительно, а после его смерти издание «Северной почты», по указу Александра I, который принял во внимание мнение министра А. Н. Голицина, было прекращено (объявление о прекращении издания газеты: 1819, 30 июля, № 61).

В данной главе мы попытаемся выяснить, как материалы газеты отражали события, пользовавшиеся особым вниманием Козодавлева как литератора, близкого идеям Просвещения. Материалы газеты обширны, и их можно исследовать с разных точек зрения. Среди статей «Северной почты» нас особенно заинтересовали сообщения о публикациях новых книг и журналов.

Хотя к этому времени собственных работ Козодавлева в литературной области стало крайне мало, в газете он знакомил читателей не только с

¹⁰⁴ Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета. СПб., 1809—1819. Далее ссылки на статьи газеты приводятся в тексте, с указанием года, даты и номера.

¹⁰⁵ Сухомлинов М. И. О. П. Козодавлев. С. 232.

творчеством отдельных русских писателей, таких как Н. М. Карамзин или В. А. Жуковский, Д. И. Хвостов, Н. А. Львов, но и с текущими периодическими изданиями — например, с журналами «Русский инвалид», «Сын отечества» и т. д.

Одним из заслуживающих нашего внимания объектов литературной критики в «Северной почте» являлся ежемесячный журнал «Детский музей», важность издания которого Козодавлев не раз подчеркивал. Однако отзывы Козодавлева о «Детском музее» до настоящего времени в целом не были изучены (Сухомлинов обращался, главным образом, к тем его газетным статьям, где упоминались Карамзин и Жуковский). Поэтому мы попытаемся исследовать вопрос, почему редактор «Северной почты» стремился познакомить читателей с журналом «Детский музей» и каким образом он, в свете своих просветительских взглядов, характеризовал этот журнал.

«Детский музей»¹⁰⁶ являлся энциклопедическим журналом, выходившим на протяжении почти пятнадцати лет. С 1815 по 1819 год его редактировал Евгений Ушаков, а с 1821 года его начал выпускать И. П. Глазунов, крупный книготорговец и издатель того времени. Издание журнала прекратилось в 1829 году.¹⁰⁷

¹⁰⁶ Детский музей, или собрание изображений животных, растений, цветов, плодов, минералов, одежды разных народов, древностей и других предметов, служащих для наставления и забавы юношества, составленное и гравированное по лучшим образцам, с кратким изъяснением, соответственным понятию детей (на французском, русском и немецком языках) в 26 частях. СПб., 1815—1819, 1821—1829.

¹⁰⁷ А. П. Бабушкина в своей монографии «История русской детской литературы» характеризует это журнал так: «...интереснейшая энциклопедия <...> На особых вкладных листах изображены предметы, листы разделены на три столбца. В них даны сжатые, точно энциклопедические сведения на французском, русском и немецком языках. Внизу листа— объяснение слов на двух иностранных языках. Рассматривая картинки и читая коротенький текст, дети обучались различным языкам. Книжечки эти можно и теперь рассматривать с

В «Детском музее» статьи печатались параллельно на трех языках — на французском, немецком и русском. Сопровожденные иллюстрациями, они были посвящены разнообразным предметам, касающимся разных сфер знания: «Птицы», «Рыбы», «Растения», «Земноводные», «Богословие», «Древности», и т. д. Хотя не удалось пока найти сведений о программных намерениях издателей «Детского музея», упоминания в «Северной почте» об этом журнале дают представление о том, что интересного видели в нем Козодавлев и его современники.

В статьях «Северной почты» «Детский музей» предстает читателям довольно часто (не менее двадцати раз с 1816 по 1819 год), но стоит обратить особое внимание на первые упоминания в № 16 и 27 за 1816 год и в № 25 за 1817 год, которые содержат больше сведений о концепции этого журнала.

Так, в «Северной почте» говорится: «Мы удовольствием поставляем сообщить читателям нашим об издаваемом здесь, с октября месяца минувшего года, весьма полезном для юношества сочинении под заглавием: “Детский музей, или Собрание изображений животных, растений, цветов, плодов, минералов, одежд разных народов, древностей и других предметов, с кратким описанием оных на русском, французском и немецком языках”. В сем сочинении предлагается самым простым, сокращенным и занимательным для детей образом естественная история, разные предметы из истории, баснословие, описания народов и других наук. Достоинство подлинника сей книги признано уже с давнего времени во всей Германии, где издаваема она была в течении нескольких лет известным в ученом свете профессором Бертухом. Доставка нашим соотечественникам свободного употребления сей книги и всей ожидаемой от нее для детей пользы обратило на себя внимание нынешнего издателя “Детского музея”. Он заимствовал из иностранного подлинника

неизменением удовольствием» (*Бабушкина А. П. История русской детской литературы. М., 1948. С. 109*).

нужный материал, обработал сей предмет собственным для здешних учащихся образом и доставил тем весьма полезную для них учебную книгу. Слог русского перевода, присоединенного им к иностранному тексту, чист и согласован по возможности с сим последним» (1816, 23 февраля, № 16);

«На сих днях вышла в публику шестая книжка “Детского музеума”, содержащая в себе изображения и описание попугаев Старого и Нового света, достопримечательных раковин и улиток, некоторых родов хищных зверей и земноводных. Сею книжкою оканчивается первая часть сего сочинения, и особы, подписавшиеся на оное, без сумнения, с удовольствием увидят, что оно по мере продолжения его становится более и более занимательным. Нельзя не заметить, что издатель, с своей стороны, старается по возможности поддерживать доброе мнение просвещенной публики о сем полезном сочинении, не щадя ничего для умножения достоинства ононого» (1816, 1 апреля, № 27);

«Сочинение сие начало издаваться с октября месяца 1815 года, и с того времени поныне выходит ононого каждый месяц по одной книжке исправно, так точно, как издатель, приступая к сим трудам, предположил и дал слово публике. Охотники до приятного и полезного чтения найдут в сем сочинении все по своему вкусу, а юношество из внимательного чтения может получить важную часть своего образования, а особливо в предметах, относящихся до естественной истории, мифологии и проч.» (1817, 28 марта, № 25).

Козодавлев знакомит читателей с новым изданием, отмечая разные его аспекты и поддерживая намерения издателя. Среди указанных им достоинств наше внимание обращает на себя то обстоятельство, что «Детский музеум» был создан на основе известного немецкого издания, которое выпускал веймарский публицист и меценат Ф. Ю. Бертух (Friedrich Justin Bertuch, 1747—1822).

Бертух сыграл немаловажную роль в развитии немецкой литературы и журналистики конца XVIII века. После изучения богословия и права в Йене он

сотрудничал с К. М. Виландом в редакции журнала «Немецкий Меркурий», позже издавал журналы и самостоятельно, такие как «Журнал испанской и португальской литературы» («Magazin der spanischen und portugiesischen Litteratur»), а также участвовал в разработке плана издания «Иенской всеобщей литературной газеты» («Jenaische allgemeine Litteraturzeitung»), в которой сотрудничали Гете, Ф. Шиллер, И. Г. Фихте и др. Он работал еще и над переводами, преимущественно с испанского языка, например, над немецким переводом «Дон Кихота» Сервантеса. Работы Бертуха были важны не только для немецкой, но, как видим, и для русской литературы и журналистики.

Отметим, что Карамзин воспользовался именно немецким переложением Бертуха для перевода испанской баллады «Граф Гваринос» (1792; с подзаголовком «древняя гишпанская историческая песня»),¹⁰⁸ хотя и дал невысокую оценку его драме «Эльфрид» в «Письмах русского путешественника».

¹⁰⁸ Приведем обстоятельный комментарий М. П. Алексеева: «“Древняя гишпанская историческая песня о графе Гвариносе” в переводе Н. М. Карамзина впервые была опубликована в “Московском журнале” (1792) и перепечатывалась затем неоднократно в изданиях его сочинений. Источник этого перевода долгое время оставался неизвестным, но был, наконец, отыскан. Было установлено, что Карамзин переводил не с испанского текста (хорошо известного по различным печатным источникам испанских романсеро) с середины XVI в. и цитированного также Сервантесом в «Дон-Кихоте»), а с немецкого перевода Ф. Ю. Бертуха, помещенного в 1780 г. в издававшемся им в Веймаре журнале “Magazin der spanischen und portugiesischen Literatur”: русский перевод близко следует немецкому. Несомненно, что “Граф Гваринос” в переводе Карамзина пользовался в России довольно значительной и продолжительной популярностью, как один из ранних в русской поэзии образцов баллады; однако в литературной истории “Графа Гвариноса” — как она сложилась в России — есть несколько загадочных эпизодов, требующих особого прояснения». (Алексеев М. П. К литературной истории баллады «Граф Гваринос» // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8. С. 179—180).

Не приведенное в отзыве Козодавлева название немецкого образца для «Детского музеума» нетрудно уточнить. Это — «*Bilderbuch für Kinder*» («Книга с картинками для детей»),¹⁰⁹ периодическое издание, которое выходило с 1790 по 1830 год и пользовалось успехом не только в Германии, но и в России. «*Bilderbuch für Kinder*» Бертуха публиковался до 1802 года только на немецком и французском языках, а с 1802 года, кроме этих языков, стал выходить также на английском и на итальянском языках. Русским эквивалентом этих переводов стал «Детский музеум». Сравнивая статьи из него со статьями в издании Бертуха, нетрудно убедиться, что это были переводы текстов из «*Bilderbuch*»: иноязычные тексты, которые помещались в «Детском музеуме» параллельно с русским вариантом, вполне соответствуют оригиналам из издания Бертуха.

В журнале «*Bilderbuch*» все статьи иллюстрировались, для того чтобы детям было легче читать и понимать текст. Следуя этому примеру, «Детский музеум» помещал у себя те же картинки, что и в немецком оригинале. Однако если обратить внимание на исторический контекст русской детской литературы второй половины XVIII и первой половины XIX века, можно убедиться, что появление «Детского музеума» было связано не только с популярностью издания Бертуха, но и с традицией другого классического энциклопедического издания, автором которого был Ян Амос Коменский, чешский педагог и мыслитель XVI века.

В Европе 1770—1780-х годов заметно усилился интерес к проблемам образования юношества. При этом, как известно, идеи Ж.-Ж. Руссо оказали огромное влияние на всех, кто обращался к этим вопросам. Обращаясь к

¹⁰⁹ *Bertuch F. J. Bilderbuch für Kinder: enthaltend eine angenehme Sammlung von Thieren, Pflanzen, Blumen, Früchten, Mineralien, Trachten und allerhand andern unterrichtenden Gegenständen aus dem Reiche der Natur, der Künste und Wissenschaften: alle nach den besten Originalen gewählt, gestochen, und mit einer kurzen wissenschaftlichen, und den Verstandes-Kräften eines Kindes angemessenen Erklärung begleitet: In 12 Bd. Weimar, 1790—1830.*

тенденциям в детской журналистике этого времени, заметим, что первым европейским детским журналом стал немецкий «Лейпцигский еженедельный листок» («Leipziger Wochenblatt», 1772—1774). Более того, тогда же стали издаваться различные энциклопедические словари и труды для юношества, многие из которых были посвящены естествознанию и технике, ботанике, этнологическим знаниям и т. п. Напомним, что Бертух начал публиковать «Bilderbuch für Kinder» с 1790 года, но уже и раньше, в 1774—1779 годах, выходило в свет подобное энциклопедическое издание — «Schauplatz der Natur und der Künste...» («Обозрение природы и искусств...»), которое пользовалось огромным успехом.¹¹⁰ В России в те же годы появился первый детский журнал — «Детское чтение для сердца и разума» (1785), который редактировал Н. И. Новиков. Затем, уже в конце XVIII и в начале XIX века, начал выходить ряд изданий, посвященных образованию и формированию внутреннего мира молодого человека: «Чтение для сердца и разума», «Друг юношества», «Друг детей» и т. д. В стремлении к детскому образованию эти издания наследовали идеям Я. А. Коменского, в распространении которых первую роль сыграла его энциклопедическая книга «Orbis sensualium pictus» («Мир чувственных вещей в картинках»), опубликованная в 1658 году на латинском и немецком языках. В ней были изложены сведения по зоологии, химии, астрономии, религии, моде и другим областям знания, причем тексты последовательно сопровождались иллюстрациями; изображенные на них предметы были пронумерованы и снабжены объяснениями. Учебное энциклопедическое издание Коменского, быстро переведенное на европейские языки,¹¹¹ приобрело огромный и долговременный успех.

¹¹⁰ В России оно было переведено и опубликовано под названием «Зрелище природы и художеств» (1784—1790).

¹¹¹ Например, в следующем году после публикации оригинала Коменского он был переведен на английский язык: *Comenius J. A. Visible world, or, a picture and nomenclature of*

Бертух взялся за создание своего иллюстрированного компендиума, также основываясь на идеях Коменского: «Ein Bilderbuch ist für eine Kinderstube ein eben so wesentliches und noch unentbehrlicheres Meuble, als die Wiege, eine Puppe, oder das Steckenpferd. Diese Wahrheit kennt jeder Vater, jeder, der Kinder erzogen hat, und von Locke an bis auf Basedow, Campe und Salzmann empfiehlt jeder vernünftige Pädagog, den frühesten Unterricht des Kindes durchs Auge anzufangen und ihm so viel gute und richtige Bilder und Figuren als man nur kann, vor das Gesicht zu bringen. Seit der alte Comenius den ersten glücklichen Gedanken hatte, diesem wesentlichen Bedürfnisse der Erziehung durch seinen famosen “Orbis pictus” abzuhelfen».¹¹²

Перевод:

«Детская книга с иллюстрациями является важным и еще более необходимым предметом в детской комнате, чем колыбель, кукла или игрушечная лошадка. Об этой истине знает любой отец, который воспитывал своих детей, и любой разумный педагог от Локка до Базедова, Кампе и Зальцмана рекомендует начинать детское образование с того, что можно увидеть глазом, и предоставлять ребенку как можно больше хороших и верных картин и фигур. Старик Коменский первым подал счастливую идею удовлетворить эту важную потребность воспитания посредством своего знаменитого “Orbis pictus”».

В России энциклопедическое издание Коменского впервые было напечатано с русским переводом, но без иллюстраций в 1768 году. Следует отметить, что в истории русской детской литературы «Детский музей» считается одним из прямых потомков «Orbis pictus» Коменского: «В начале века издается “Бюффон для юношества”, представляющий своеобразную

all the chief things that are in the world, and of mens employments therein in English ed. London: J. Kirton, 1659.

¹¹² Bertuch F. J. Bilderbuch für Kinder. Weimar, 1790. Bd 1. S. 3—6.

естествоведческую энциклопедию, затем «Детский музеум», по типу своему являющийся прямым продолжением энциклопедии Коменского».¹¹³ Учитывая даже только приведенные нами сведения, в том числе и суждение Бертуха, можно понять, что Козодавлев действительно мог увидеть в «Детском музеуме» продолжение традиции книги Коменского «Orbis pictus».

Русский перевод книги Коменского¹¹⁴ появился под названием «Видимый свет Иоана Амоса Комения на латинском, российском, итальянском, и французском языках»¹¹⁵ при участии Ломоносова. Затем, в 1788 году, она повторно издается под измененным названием «Видимый мир на латинском, российском, немецком, итальянском, и французском языках» под редакцией Новикова.¹¹⁶ Статьи на разных языках помещаются в ней параллельно. Примечательно, что в том же 1788 году, после публикации второго издания книги Коменского в Москве, в Санкт-Петербурге было опубликовано третье издание, но с другим названием и в другой редакции, под руководством комиссии об учреждении народных училищ.¹¹⁷ Когда в 1786 году Комиссией об учреждении народных училищ, созданной по указу Екатерины II, был утвержден «Устав народным училищам в Российской империи», упомянутый перевод (еще не вышедший из печати) книги Коменского был включен в

¹¹³ Бабушкина А. П. История русской детской литературы. С. 109.

¹¹⁴ Уже в начале XVIII века появился русский перевод этой энциклопедии, но в то время он еще не был напечатан. В библиотеке Н. В. Чехова сохранился экземпляр «Orbis pictus» (1714), в который вплетен текст, написанный от руки, с полным переводом этой книги на русский язык.

¹¹⁵ <Коменский Я. А.> Видимый свет Иоана Амоса Комения на латинском, российском, немецком, итальянском, и французском языках. М., 1768.

¹¹⁶ Коменский Я. А. Видимый мир на латинском, российском, немецком, итальянском и французском языках представленный. М., 1788.

¹¹⁷ Коменский Я. А. Зрелище Вселенная. <...> На латинском, российском и немецком языках. СПб., 1788.

перечень обязательных книг в качестве учебника для изучения иностранных языков: «§13. Книги, по которым учить сим языкам, суть следующие: 1. Букварь, 2. Зрелище Вселенная, 3. Грамматика того языка, 4. Прописи на иностранных языках и 5. Словарь».¹¹⁸ В отличие от первых двух версий, опубликованных в Москве, «Зрелище Вселенная...» было проиллюстрировано рисунками из оригинала, хотя некоторые тексты и иллюстрированные части сокращены (оно содержало 80 из 150 рисунков).¹¹⁹ В этом учебнике тексты печатались на трех языках — немецком, русском и латинском.

Обратим внимание на то, что Козодавлев как раз в это время (с 1784 года) стал членом Комиссии об учреждении народных училищ и принял участие в реформе русского образования. Его активное отношение к реформе нам известно из его статьи, опубликованной на страницах журнала «Растущий виноград» под названием «Рассуждение о народном просвещении в Европе», где Козодавлев описывает историю развития образования и культуры в разных странах. В статье Козодавлев высоко оценивает систему немецкого образования. (См. об этом также в главе 1 диссертации.)

Козодавлев служил в этой комиссии по 1797 год, так что вполне вероятно, что, когда в 1788 году «Orbis pictus» был опубликован в новой редакции, предназначенной для русской школы, Козодавлев участвовал в решении по этому делу. Оказывается, что знакомство Козодавлева с изданием Коменского как учебником иностранного языка произошло давно, задолго до появления «Детского музеума», в 1780-х годах. Таким образом, собственный опыт

¹¹⁸ Устав народным училищам 1786 года // Полное собрание законов Российской империи за 1784—1788. СПб., 1786. Т. XXII. С. 648.

¹¹⁹ Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. М., 1982. Т. 2. С. 505—506. При новой редакции из книги оригинала были исключены разделы «о божестве, религии, душе человека, нравственности» (см.: Чума А. Издания произведений Я. А. Коменского в России // Там же. Т. 2. С. 470—477).

Козодавлева как просветителя и государственного деятеля связывал его с указанным типом детских изданий.

Возвращаясь к суждениям Козодавлева о «Детском музее» в «Северной почте» 1816 и 1817 годов, отметим, однако, что он нигде не упоминал ни имени Коменского, ни названия его «Orbis pictus», несмотря на то что мог бы воспользоваться авторитетом этой классической учебной книги, которая как раз в это время снова переиздавалась, для того чтобы суждения о «Детском музее» выглядели более основательными. Мы можем, тем не менее, предположить, что Козодавлев осознавал влияние на журнал Бертуха идей Коменского. Сам Козодавлев не сравнивает между собой эти три энциклопедические издания, т. е. «Orbis pictus», «Bilderbuch für Kinder» и «Детский музей», но это сопоставление помогает понять, чем он руководствовался при выборе объекта рецензии и его оценке.

Пересматривая данные трех публикаций, мы установили, что «Детский музей» в подаче материала был ориентирован скорее на «Orbis pictus», чем на «Bilderbuch». В издании Бертуха тексты на разных языках размещались отдельно по главам,¹²⁰ а в «Детском музее», как в «Orbis pictus», тексты на французском, немецком и русском языках располагались параллельно на одной странице (совпадал и набор языков: в 1788 году учебник Коменского был опубликован на латинском, немецком и русском языках, но в издании 1793 года латинский текст заменили французским переводом). Труд Коменского в то время продолжал издаваться как необходимый учебник, и именно он, а не издание Бертуха служил образцом для «Детского музея» как пособие для изучения иностранных языков.

Об этой форме Козодавлев пишет в «Северной почте»: «Поелику же описания предметов в сем сочинении находятся на трех языках, российском,

¹²⁰ Сначала были представлены два языка — немецкий и французский, затем, с 1802 года, к этим двумя языковым вариантам добавились английский и итальянский переводы.

французском и немецком, с извлечением из оных на каждой странице на всех трех языках слов и фразов (так! — *Т. К.*); то внимательное чтение, впечатливая на памяти познание изображаемых предметов, может вместе руководствовать и к основательному изучению упомянутых языков, чрез сличение описаний на каждом из оных» (1816, 23 февраля, № 16).

Из этого отзыва видно, что Козодавлев весьма внимательно относился ко всем особенностям издания. Так, хотя все три издания сопровождалось иллюстрациями, рисунки в «Детском музеуме» были выполнены русскими иллюстраторами. Козодавлев указывает в статье «Северной почты» на их достоинства: «...гравировка изображений не уступает находящимся в подлинном сочинении г. Бертуха» (там же). И далее: «Она содержит против прочих гораздо большее число изображений и описаний разных предметов, и при сей сугубой полноте ее, как гравировкою и прочею отделкою фигур, так равно и тщательным предложением иностранного текста на российском языке, заслуживает не менее внимания и похвалы, как и предыдущие книжки, о коих, равно как и о всем плане издания, сообщено уже читателям нашим в № 16 сей газеты» (1816, 1 апреля, № 27).

Итак, Козодавлев высоко оценивал работу иллюстраторов — русских художников в «Детском музеуме»; в нем были помещены оригинальные иллюстрации, каких не было ни в журнале Бертуха, ни в учебнике Коменского. Первый русский иллюстрированный журнал появился только в 1813 году («Журнал для детей»), а появление «Детского музеума» в России, который начал издаваться через два года после «Журнала для детей», было значимым событием также и для развития русской книжной иллюстрации.

Хотя это напрямую не касается темы иллюстраций «Детского музеума», вероятно, стоит отметить, что оценка профессиональной художественной работы входила в сферу интересов Козодавлева-чиновника, о чем можно узнать из его письма к П. В. Лопухину 1799 года, где говорится о живописных

портретах императорской фамилии: «Святейший Синод по случаю вступившего к нему рапорта Новороссийского губернского правления о найденных николаевским полицеймейстером в лавке у тамошнего купца одиннадцати портретах высочайшей императорской фамилии, не искусно писанных, предписал тому правлению, чтобы оно, в силу указов 1722 апреля 12-го и 1723 годов января 21-го дня, прислало сии портреты в Синод, а между тем требует, чтобы Сенат повсеместно подтвердил о точном по тем указам исполнении. Вышепомянутыми ж указами повелено: 1) святые иконы свидетельствовать в Москве бывшему тогда под ведением Синода суперинтенденту Зарудневу, а в епархиях под его ведением определить искусных иконописцев и оные исправлять, а не искусных иконописцев к писанию не допускать; 2) продаваемые в Москве портреты императорские, которые окажутся писанными не искусно, тому ж суперинтенденту Зарудневу брать в Синод и ему ж свидетельствовать живописцев в их мастерстве. А как по штату 1764 года в Синоде суперинтендента не положено, и их ныне нет, а при том в вышепомянутых указах не значится, чтобы и из других городов таковые не искусно писанные портреты присылать в Синод, следовательно о исполнении вышепомянутых указов во всей точности делать от Сената предписания ныне надобности не предвидится. Буде же о сем поднести от Сената формальный доклад государю императору, то сие может быть несколько предосудительно для Синода, который требует именно от Сената точного о сем предписания; и для того не будет ли вашей светлости угодно доложить его императорскому величеству, чтобы повелено было впредь по городам за исправностью живописных императорской фамилии портретов предоставить иметь наблюдение, под руководством начальников губерний, городничим; тем паче, что в 1722 и 1723 годах, когда помянутые указы состоялись, в России живописцев не было, а были иконописцы, которые писали и портреты; ныне же сие искусство весьма распространилось и существует Академия художеств, то, кажется, по сему и

быть живописцам под ведомством духовного начальства неприлично. Сам же собою Сенат не может такого предписания сделать, поелику оным отменить должно помянутые указы, на кои и Синод ссылается».¹²¹

Участвуя в разнообразных политических, экономических и культурных мероприятиях, Козодавлев постоянно развивал свое тонкое ощущение новизны, ориентировался на поиск новинок, необходимых для развития русской культуры и обслуживающих ее профессий. Гравюры, сделанные в России, также оправдывали, по Козодавлеву, значение публикаций «Детского музеума».

Возвращаясь к «Северной почте», можно сделать вывод, что Козодавлев высоко оценил «Детский музеум», поскольку журнал был выдержан в лучшем стиле указанных изданий: материалы и тексты были взяты из «*Bilderbuch*» Бертуха, а оформление из Коменского, и к этому добавлены гравюры по образцу рисунков в «*Bilderbuch*», но сделанные русскими иллюстраторами. Козодавлев должен был видеть, что «Детский музеум» наследовал традиции Коменского, хотя и не прямо, а посредством воспринявшего их журнала Бертуха с сильно развитыми в этом журнале педагогическими тенденциями. В начале XIX века появлялись многие детские периодические издания, но большинство их существовало недолго, а «Детский музеум», опиравшийся на опыт долговременного проекта Бертуха и, так же, как и он, создававшийся под влиянием идей Коменского, явился более крупным и значительным изданием, чем другие.

Козодавлев, вероятно, оценил отражение в «Детском музеуме» достижений немецкой и русской педагогики 1770—1780-х годов. Эти ценности оставались для него важными и в новую эпоху, когда литературные и

¹²¹ *Козодавлев О. П.* Рапорт обер-прокурора Правительствующего сената Козодавлева генерал-прокурору князю П. В. Лопухину. 26-го апреля 1799 // *Русская старина*. 1898. Т. 95. № 9. С. 532 (под названием «О наблюдении за живописными портретами императорской фамилии»).

педагогические ориентиры подверглись существенному пересмотру. Привлек внимание Козодавлева и характер работы Бертуха как посредника в передаче педагогических идей. Можно заключить, что его интересовала такая форма межкультурного восприятия, которая способствовала бы развитию русской национальной культуры.

Особенности детского издания как энциклопедического журнала, удобного для изучения иностранных языков, подчеркивались в первых трех статьях о «Детском музее». После этих первых сведений в «Северной почте» регулярно стали появляться объявления о выходе очередного номера этого журнала.

Приведем отрывки из этих объявлений: «...В ней (девятой книжке журнала. — *Т. К.*) находится три таблицы, на которых представлены изображения достопримечательнейших животных, из четвероногих, так называемые, тихоходы и муравьеды, из птиц кукушки разных стран, и из червей, земляной или дождевой, пиявица, усатый полип...» (1817, 2 мая, № 35); «При XXII книжке с натуральною живостию представлены животные жарких стран, бегемот или водяная лошадь...»; «Подписка на сие весьма занимательное и полезное сочинение на полгода и на год принимается здесь в С.-Петербурге у книгопродавцев: Глазунова, Заикина, Свешникова, Плюшара, Роспини и проч. Иногородные могут относиться в Газетную экспедицию С.-Петербургского почтамта, в которой, так, как и у означенных гг. книгопродавцев, можно получать и вышедшие уже прежде книжки сего сочинения. Цена 12 книжкам, составляющим годовое издание, здесь в С.-Петербурге 20 р., а с пересылкою в другие города 24 рубля» (1817, 28 июля, № 60); «Точно в половине сего месяца вышла в свет и двадцать четвертая книжка онаго <...>: верблюды: одногорбый, лама или перувианский, викугна и гуанаку; на другой, род морских червей, называемых морския звезды; третьей растения жарких стран, целибуха и гинзенг...» (1817, 19 сентября, № 75).

Последнее объявление о «Детском музее» появилось в 1819 году: «На сих днях, вышла из печати XI книжка “Детского музея”, содержащая в себе, при описании на рос<ийском>, франц<узском> и немецком языках, три таблицы, на которых живо изображены байбаки и кроты, разные породы хамбалы, кокос и американская ореха.— Книжка сия есть последний плод неусыпных трудов почтенного издателя “Детского музея” Евгения Павловича Ушакова, который, к прискорбию друзей, родственников, и всех знавших таланты его и кротость, укрощавшиеся христианскими добродетелями, скончался в цвете лет своих 25 генваря сего года. Труды его по изданию “Детского музея” увенчались единогласным уважением от всех охотников читать полезное с приятным. Доказательством достоинства сего интересного издания может послужить и то, что сверх частных почтенных особ, многие учебные заведения в Петербурге и других городах удостоили оное подписки своей. — Нам приятно при сем случае заметить, что продолжение издания “Детского музея” было бы столько желательно и полезно для публики, а особливо для юношества, столько и выгодно для самого издателя. К облегчению сего предприятия вдова покойного, как нам известно, изъявляет свою готовность уступкою как всех остальных книжек с изображениями, так и гравированных медных досок, за надлежащую цену. У ней находится и подлинник сего издания, выписанный покойным за гораздо умереннейшую цену, нежели по какой продается у здешних иностранных книгопродавцев. Желаящие могут осведомиться о ней у издателя “Сына отчества”, г. Греча» (1819, 5 марта, № 19).

В том же 1819 году скончался и сам редактор газеты «Северная почта», после чего она перестала издаваться. А что касается «Детского журнала», то через два года после смерти Ушакова его издание возобновилось, с 1821 по 1829 год над ним работали Глазуновы, которые в это время уже стали крупными предпринимателями в книжной торговле и книгоиздании, брались за подготовку

разных типов журналов и книг. Имя будущего издателя появлялось и в статьях «Северной почты», например, в № 76, 1816 года.¹²² В № 60 за 1817 год он упомянут в качестве одного из книгопродавцев, у которого можно подписываться на «Детский музей» (см. выше).

Регулярные объявления о «Детском музее» на страницах «Северной почты» вполне вписывались в концепцию Козодавлева. Его просветительские идеи и позиция в вопросах образования в России нашли прямое выражение в газетных статьях. На основе нашего анализа отзывов Козодавлева о «Детском музее» расширим анализ общей концепции «Северной почты».

Просматривая другие сведения, помещенные в «Северной почте» за интересующий нас период, можно понять, что издатель этой газеты специально отбирал новости, касающиеся академических и образовательных учреждений (библиотек, университетов, училищ) и научных открытий. Кроме официальных известий, газета сообщала сведения о повседневной жизни образовательных заведений, успехах учеников, об участии студентов в каких-либо мероприятиях. Эти новости можно встретить и в отделе «внутренних новостей» и в «иностранных новостях». Для того чтобы яснее представить одно из главных направлений газеты Козодавлева, в которое вписываются объявления о «Детском музее», стоит указать здесь на несколько статей.¹²³

¹²² «Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства; сочинение россиянина, напечатанное в морской типографии. Сия книга содержит 3 отрывка: 1. Внутренний торг хлебом. 2. Тариф. 3. Мануфактуры. У книготорговцев Глазунова и Заикина продается сия книжка в бумажном переплете по 1 руб. 50 коп.».

¹²³ О внимании Козодавлева к университетским делам свидетельствует, например, отрывок из «Записок современника» С. П. Жихарева: «У Гаврилы Романовича обедали О. Козодавлев и Дмитревский. Осип Петрович, кажется, добрый и приветливый человек, любит литературу и говорит обо всем очень рассудительно; он также старый знакомец И. И. Дмитриева, расспрашивал меня о его житье-бытье и, между прочим, чрезвычайно интересовался университетом; хвалил покойного Харитона Андреевича, называя его

Например, в «Северной почте» появлялись сведения об испытаниях воспитанников в училищах: «Из Одессы. В прошедшем месяце производилось публичное испытание воспитанникам здешнего благородного института. Успехи воспитанников в преподаваемых им предметах, как то: в истории, географии, геометрии, алгебре, дифференциальных и интегральных вычислениях, механике, динамике, физике, физической астрономии, логике, риторике и в языках российском, греческом, немецком, французском и латинском приводили посетителей в удивление, тем более, что вопросы воспитанникам делаемы были не по произволению учителей, но в виде лотерейных билетов вынимаемы были из особого сосуда. За 25 лет никто не мог думать, что неважное местечко Хаджи-Бей, с наименованием Одессы будет местом цветущей торговли и примерного просвещения для юношей» (1815, 5 июня, № 45); «Из Тулы. Минувшего июля 12, 13 и 14 числа происходило в здешней духовной семинарии по новому ее образованию открытое испытание, при великом множестве посетителей. Удовлетворительные ответы учеников на предложенные им вопросы из богословских и философских наук, также из математики, истории и российской словесности, равным образом удачные переводы с еврейского, греческого, немецкого, французского языка на русский, заслужили всеобщее одобрение посетителей» (1815, 18 августа, № 66).

Сообщения об испытаниях, проходящих в разных училищах, были помещены в том же 1815 году еще, например, в № 14 и 17 из Петербурга, в №

настоящим русским ученым, и радовался, что Страхов занял его место, присовокупив, что лучшего преемника Чеботареву найти невозможно и что Михайло Никитич весьма его уважает» (*Жихарев С. П.* Записки современника . М.; Л., 1955. С. 330; Харитон Андреевич — Чеботарёв (1745—1815), ученый-географ и первый выборный ректор Московского университета. Страхов Петр Иванович (1757—1813) — физик, в то время ректор Московского университета. Михайло Никитич — Михаил Никитич Муравьев (1757—1807)).

45 из Одессы, в № 61 из Курска и др., из них читатели не только узнавали об экзаменах по определенным учебным предметам, но и знакомились, насколько это было возможно, с уровнем подготовки учеников в том или ином образовательном учреждении, а также с их собственным отношением к занятиям.

Среди материалов газеты было немало статей, посвященных повседневной жизни учащегося юношества: «Из Берлина. Из Бонна пишут, что студенты, поступившие при открытии сего университета в оный, поныне отличаются скромностью и добронравием; уже и теперь видно, что все почти студенты занимаются с особенным прилежанием филологическими науками, кои суть основание всех важнейших знаний». (1819, 30 сентября, № 76); «Из Парижа. Сочинитель комедии “Le nouveau Seigneur du village”,¹²⁴ которая недавно освистана была в Монпелье студентами и подала через сие повод к великим беспокойствам, есть сам тамошний префект, г. Крез де Лесер. Он слишком употребил во зло данную ему власть, желая отмстить за колкую критику, которой он подвергнулся» (1819, 5 марта, № 19).

В частности, в журнал попали известия о деятельности немецких студенческих объединений — «буршеншафтов», вступавших в борьбу с консервативным руководством университетов: «С берегов Майна. Германский сейм имел многие тайные собрания, в коих, как уверяют, рассуждаемо было и о мерах, могущих обратить немецкие университеты к их истинной цели. Сии заведения, с коими никакие другие не могут равняться в преподавании наук вообще, а особливо наук звания, не были и не могут быть подверженными, подобно школам и гимназиям, системе какого-либо детского воспитания (Немецкие университеты разделяются на четыре факультета; первый, яко общий или приуготовительный, именуется философическим; остальные же три факультета суть: богословский, юридический и медицинский; в них

¹²⁴ «Новый помещик» (фр.).

преподают науки нужные в звании богослова, правоведа и медика). С другой стороны, также не хотят подвергнуть студентов ведомству общей полиции. Полагают, что надлежит сохранить университетам их преимущества, управлять самими собою по своим уставам и своими собственно членами. Они суть республики, в коих профессоры составляют академический сенат; но аристократия сия, облеченная законною властью, уступает иногда демократии студентов, кои переходом из одного университета в другой, могут лишать профессоров части их дохода. Сила демократии сей находится в студентских сотовариществах, коих каждый член обязан чести следовать в поведении своем примеру большинства. На уничтожение сих вредных сотовариществ и на подкрепление власти академических сенатов, государственные люди обращают теперь свое внимание» (1819, 30 апреля, № 35).

Козодавлев постоянно уделял внимание новшествам, достижениям промышленности, изобретениям, появлявшимся в мире. Иногда это доходило до крайности. Например, он настолько часто подчеркивал в «Северной почте», важность кунжутного масла, что его современник П. А. Вяземский в своей «Старой записной книжке» (ч. 1) заметил с иронией: «Козодавлев, будучи министром внутренних дел, очень заботился о развитии русской промышленности и о замене иностранных произведений своими домашними. В газете “Северная Почта”, издаваемой при министерстве и при личном наблюдении и участии самого министра, часто и много толковали о кунжутном масле. Когда Козодавлев умер, NN спрашивал: “Правда ли, что его соборовали кунжутным маслом?”»¹²⁵

¹²⁵ Вяземский П. А. Старая записная книжка. М., 2003. С. 56. В комментах к этой записи отмечено, что в кружке Вяземского—Тургеневых Козодавлев пользовался репутацией бездарности как в области литературы, так и в государственных делах. В письме Вяземского к А. И. Тургеневу (1819) встречается это же *bon mot* из записной книжки по поводу смерти

Но здесь наша речь пойдет о новшествах в педагогической области. Редактора «Северной почты» интересовала новая, так называемая «ланкастерская» система образования: «Из Петербурга. В числе вновь доставленных от г. Гамеля описаний английских полезных изобретений, пишет он следующее: “Новоизобретенная английская система обучения юношества, которая с столь отличною выгодой употребляется с некоторого времени в училищах для низшего класса народа, ныне введена уже и в школы высшего состояния юношества. Она употребляется с особенным успехом в Эдинбургской гимназии (High-school), где ввел оную ректор оной г. Пилланс. В высшем классе сего института находится 200 воспитанников, учащихся латинскому и греческому языкам, географии и т. п., а на все сие число имеется один только учитель. Успехи воспитанников чрезвычайны, и один учитель в состоянии обучать двести мальчиков, потому что ему пособляют некоторые из лучших учеников. Например, он проходит с некоторыми в том классе урок из Цицерона или Горация, обстоятельно пред целым классом, что и повторяется несколько раз”» (1815, 9 января, № 3).

Козодавлев считал, что дети сами могут играть важную роль в развитии общества. В газете публикуются статьи, посвященные талантливым детям: «Из Лейпцига. Мы имеем здесь у себя настоящее чудо, или, по крайней мере, редкое явление в природе. Девятилетний мальчик, по имени Карл Витте, сын лохавского священника, одарен толь великими способностями к учению, что знает уже сверх природного своего немецкого языка греческий и латинский, говорит довольно хорошо по-французски, по-англински и по-итальянски. Росту он довольно высокого для своих лет; сложенья крепкого, и нраву весьма веселого. Его приняли в университет, по порядку и с засвидетельствованием о зрелом его возрасте». (1810, 14 мая, № 56).

Козодавлева: «Я спрашиваю у Булгакова, правда ли, что Козодавлева уже соборовали кунжутным маслом?»»

Позже, в 1815 году, было опубликовано известие о таком же юном таланте, на этот раз русском: «Из Саратова, от 30 августа. Пятилетняя дочь балашовского помещика, г. коллежского асессора Ч*** Елисавета обращает ныне здесь на себя всеобщее внимание редкими, и, можно сказать, единственными своими талантами. Она читает наизусть все сочинения первых российских стихотворцев: гг. Державина, Дмитриева, Карамзина, Крылова, и многих других лучшие произведения. Чтение сие продолжает она с полными чувствами, приличными выражениями, телодвижением, и с точным изображением характера читаемого ею сочинения; так, например, оду “Бог” читает она со всем должным величием, басни же с приличною им забавностию. Малютка сия довольно сведуща в российской истории, а более в священной, из которых статьи рассказывает с удивительною важностию. Слушающие всегда удивляются таковым необыкновенным талантам ее; но удивление их усугубляется, когда находят в ней и довольно значительные знания в географии вообще и особенно Европы. Она знает фигуры всех государств, также столичные и знатнейшие города, моря, озера, реки и острова, главные в каждом государстве реки, с объяснением откуда они выходят, чрез какие места протекают, и куда впадают; сверх того, рассказывает она о путях сообщения, наприм<ер>, как проехать с острова Мальты в Петербург. Весьма приятно видеть малютку сию, одаренную притом и пленительною наружностию, как она сидя на разостланной по столу карте, отвечает по оной безошибочно на все делаемые ей вопросы, наприм<ер>, на вопрос, “откуда бежал Бонапарте?” указывает она тотчас остров Эльбу. Родители ее рассказывают, что память в ней обнаружилась на втором году возраста. С того времени, ложась спать, просила она няньку свою рассказать ей какую-нибудь сказочку, которую на другой день по утру и пересказывала родителям со всею точностию. Сие послужило им поводом к обогащению такого таланта ее прекраснейшими произведениями российской литературы. Сперва родитель ее

записывал в особую тетрадь выученное ею, но потом, по невероятным успехам ее, наскучил продолжать сие. Записок таковых осталось однако же великое множество. Самое любимое занятие сей милой малютки суть книги; у ней своя библиотека, заключающая в себе более 200 отборных книг, которые хранит она тщательно. Ее не начинали еще учить настоящим порядком, опасаясь, по столь быстрым ее успехам, занимать ее многим; однако она начинает уже разбирать книги. Поутру за чаем обыкновенно родитель должен ей прочесть несколько раз что-нибудь новое; и от сего обыкновения никак нельзя уклониться, ибо в случае отказа начинает она неутешно плакать. Прочтенное за чаем остается навсегда в ее памяти, так что она читает то уже сама наизусть с точностию и правильностию выражений. Любопытство владеет ею в самой высшей степени. Она имеет характер тихий, приятный и веселый. В обыкновенном даже обращении виден в ней ум по возрасту ее необыкновенный (Сведение сие доставлено к нам от саратовского г. гражданского губернатора, который был сам очевидным свидетелем здесь помещенному)» (1815, 25 сентября, № 77).

Несмотря на то, что после публикации новости о лейпцигском вундеркинде прошло уже пять лет, то есть достаточно долгое время, в газете появляется повторное обращение к этому сюжету. К тому же, второе известие исходит уже не из зарубежного города, а из Саратова. При этом не просто сообщаются детали жизни умной девочки или описывается ее семья. В статье акцент сделан на том, что девочка является россиянкой, подчеркивается, что она читает стихотворения русских поэтов (Дмитриева, Державина, Карамзина) и т. д.

Козодавлев проявил себя как сторонник протекционизма, когда он начал заниматься политическими и экономическими делами в министерстве внутренних дел. Однако в литературной деятельности это совсем не означало утраты интереса к зарубежным достижениям, в чем можно убедиться по анализу статей в «Северной почте» в данной главе, а также по анализу его

произведений, проведенному нами в предыдущих главах. Он пользовался своим положением издателя газеты для просвещения русских читателей, подчеркивая важность воспитания в особенности детей и юношества. В этом отношении он в течение всей своей карьеры не изменил своего отношения к работам в этой области, продолжая заботиться об улучшении системы отечественного образования.

Заключение

Рассмотрение литературной деятельности О. П. Козодавлева в нашем диссертационном исследовании приводит к следующим выводам:

1. Козодавлев не позиционировал себя в качестве писателя — автора оригинального художественного творчества, предпочитая играть роль посредника между авторами и читателями, скорее, он ощущал себя журналистом. Тем не менее его литературные произведения (стихи и проза) находятся на уровне зарождающейся «массовой» литературы, выразительно передавая особенности русской литературы на границе между эпохой Просвещения и эпохой сентиментализма.

2. Одним из важных ориентиров для Козодавлева, совпадавших с изменениями в русской словесности конца XVIII — начала XIX века, является его интерес к внутренней жизни человека, распространявшийся у него и на исторических деятелей. При редактировании собрания сочинений М. В. Ломоносова Козодавлев добавил к изданию личные письма великого ученого, считая материалы такого рода важными для воспитания чувств у русских читателей, даже если эти документы не имеют связи с научной деятельностью. Он также активно пытался выпустить в свет историю патриарха Никона фактически с той же целью обогащения знаний о русских исторических деятелях как о частных лицах — и в итоге понимания их внутренней жизни. К началу издания журнала «Собеседник...» Козодавлев обратил внимание и на «Фелицу» Державина, в значительной мере именно потому, что поэт показал эмоциональную жизнь своей героини.

3. Эти усилия Козодавлева вписывались в литературное движение русского сентиментализма, участники которого подчеркивали значимость внутреннего мира человека. Этот интерес развивался под защитой авторитета Просвещения, которое было обращено к человеку; требовался лишь переход от

разума к «сердцу». Козодавлев представил читателям «Собеседника...» среди своих работ не только стихотворные «письма» к Ломоносову, Капнисту и к «татарскому Мурзе», но и «Стихи Клелии» и «К другу моему...», а также повесть «Приятное путешествие». Эти произведения можно рассматривать как комплекс чувствительной литературы, в котором автор, показывая разные стороны чувства, подчеркивал значение эмоций для развития внутреннего мира человека. При этом для Козодавлева не имело большого значения, идет ли речь об исторической фигуре или о вымышленном литературном герое; ему важно было осветить жизнь души, как он ее понимал.

4. Обращение Козодавлева к «личности», более или менее исторической, проявилось уже в его раннем переводе трагедии Гете «Клавиго». Главное, что должно было привлечь внимание Козодавлева к «Клавиго», — это спектр эмоций, который можно было показать на сцене. В «Клавиго», оказавшемся благодарным материалом для демонстрации принципов сентиментализма, вместе с тем проступает просветительская мысль об опасности нарушения нравственных законов, мысль, отсутствующая, например, в «Вертере». Пафос романа Гете — протест, пафос его трагедии — нравственные коллизии, из которых можно было сделать даже поучительный вывод о вреде слабого характера. Этим переводом Козодавлев соединил *просветительский* нравственный пафос с *чувствительностью* нового литературного направления.

5. Но идеи Просвещения связывались в представлении Козодавлева прежде всего с практическим просветительством. В стихотворении «Сновидение», опубликованном в последнем томе «Собеседника...», Козодавлев связывает тему просвещения с более конкретной задачей улучшения народного образования, за которую он взялся в комиссии об учреждении народных училищ в такое же время. В стихотворении намечается тема детского образования, надолго захватившая Козодавлева в связи с его дальнейшей деятельностью в государственной и педагогической областях. Сама

его концепция Просвещения была тесно связана с образовательными проблемами и с практическим просветительством. В написанной им статье «Рассуждение о народном просвещении в Европе» и в редактировании «Северной почты» отчетливо проявилось его стремление знакомить русских читателей со сведениями о ходе образования в других странах. Склонность Козодавлева к теме межкультурного сопоставления, впервые проявившаяся в работе над переводом «Клавиго», присутствует и в его других работах непосредственно или косвенно — в «Приятном путешествии», в «Сновидении» и, безусловно, в статьях педагогической тематики (в ориентации на опыт других стран).

6. Таким образом, рассмотрев литературные работы Козодавлева, начиная с перевода «Клавиго» и до редактирования «Северной почты», можно заключить, что Козодавлев всегда с осторожностью, но все же активно обращался к новациям в области литературы, стремясь познакомить соотечественников с новыми идеями и достижениями. Его концепция Просвещения пересекалась не только с конкретными проектами в рамках педагогических реформ его времени, но также с путями нового литературного направления (сентиментализма). Козодавлев, хотя и не принял безоговорочно сентиментальное направление, в то же время в своих собственных произведениях разрабатывал темы, характерные для сентиментализма, в сочетании с темой добродетели, что имело также и педагогическое значение. Можно сделать вывод, что Козодавлев имел более глубокую связь с сентиментализмом, чем это считалось ранее в истории русской литературы. Наше исследование добавляет ряд подробностей и наблюдений к предыдущим представлениям о том, что именно происходило в становлении и развитии русского сентиментализма на его раннем этапе, в первой половине 1780-х годов, до появления произведений Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, Н. А. Львова.

Кроме того, получила, как мы надеемся, более отчетливые историко-литературные контуры фигура Осипа Петровича Козодавлева, литератора не первого ряда, но занимающего свое заслуженное место в истории русской литературы рубежа XVIII—XIX веков и в истории русского переводческого искусства.

Список литературы Источники

1. Bilderbuch für Kinder. Weimar, 1790—1830.
2. *Comenius J. A. Visible world, or, A picture and nomenclature of all the chief things that are in the world, and of mens employments therein in English ed.* London, 1659.
3. *Engel J. J. Der Diamant: Ein Lustspiel in einen Aufzuge, nach dem Französischen des Collé.* Leipzig, 1773 // *J. J. Engel's Schriften.* Berlin, 1805. Bd VI. S. 278—280.
4. *Goethe J. W. Werke.* Frankfurt am Main, 1965.
5. *Goethe J. W. Clavigo* // *Goethe J. W. Sämtliche Werke.* München, 1776. Bd 2. S. 358—400.
6. *Goethe J. W. Clavigo, ein Trauerspiel.* Frankfurt; Leipzig, 1774.
7. *Wieland C. M. Nachlaß des Diogenes von Sinope. Aus einer alten Handschrift* // *Wieland C. M. Sämtliche Werke.* Leipzig, 1795. Bd 13. S. 1—148.
8. *Wieland C. M. Klelia und Sinibald, oder Die Bevölkerung von Lampeduse. Ein Gedicht in zehn Büchen.* 1783 // *Wieland C. M. Sämtliche Werke.* Leipzig, 1796. Bd 21. S. 161—396.
9. [Б. п.]. Сновидение // *Московское ежемесячное издание.* 1781. С. 31—39.
10. [Б. п.]. Сновидение // *Дело от безделья, или приятная забава и проч.* 1792. Ч. 1. Февраль. С. 79—97.
11. Аристовула Греческого философа Сновидение о человеке / Пер. с французского на российский. СПб., 1780.
12. *Бомарше Пьер-О. Карон де.* Путешествие в Испанию // *Санкт-Петербургский вестник.* 1778. Июль. С. 3—26.
13. *Виланд Х. М.* Отрывки из разговоров Диогена Синопского // *Утренний свет.* 1778. Ч. 3. С. 352—371.
14. *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. М., 2003.

15. <Гете И. В.> Клавиго, драма в 5 д<ействиях>, сочинение Гёте / Пер. А. Струговщикова. СПб., 1840.
16. Гете И. В. Клавиго, трагедия в 5 д<ействиях> / Пер. Ф. А. Кони. М.; СПб., 1836.
17. Гете И. В. Клавиго, трагедия в 5 д<ействиях> / Пер. О. П. Козодавлева. СПб., 1780.
18. Гете И. В. Клавиго / Пер. О. П. Козодавлева, 2-е изд. СПб., 1780.
19. <Дашкова Е. Р.> Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой / Пер. с англ. Лондон, 1859.
20. <Державин Г. Р.> Соч. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1869. Т. 5: Переписка.
21. Детский музей, или Собрание изображений животных, растений, цветов, плодов, минералов, одежды, разных народов, древностей и других предметов, служащих для наставления и забавы юношества, составленное и гравированное по лучшим образцам, с кратким изъяснением, соответственным понятию детей (на французском, русском и немецком языках) в 26 частях. СПб., 1815—1819, 1821—1829.
22. Детское чтение для сердца и разума. М., 1785. Ч. 2.
23. Добролюбов Н. А. О «Собеседнике любителей русского слова». Издание кн. Дашковой и Екатерины II. 1783—1784 // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961. Ч. 1. С. 182—278.
24. Екатерина II. Сказка о царевиче Хлоре // Избранные сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1890. Т. 1. С. 39—53.
25. Зеркало света. СПб., 1786—1787.
26. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 79—601.
27. Козодавлев О. П. Перстень. Комедия. В одном действии. СПб., 1780.

28. *Козодавлев О. П.* К другу моему... // Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых русских писателей. 1783. Ч. 7. С. 40—44.
29. *Козодавлев О. П.* Приятное путешествие // Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых русских писателей. 1783. Ч. 1. С. 39—53.
30. *Козодавлев О. П.* Рапорт обер-прокурора Правительствующего сената Козодавлева генерал-прокурору князю П. В. Лопухину. 26-го апреля 1799 // Русская старина. 1898. Т. 95. № 9. С. 532.
31. *Козодавлев О. П.* Рассуждение о народном просвещении о Европе // Растущий виноград, ежемесячное сочинение, издаваемое от главного народного училища города святого Петра. 1785. Апрель, Июнь—Август, Октябрь.
32. *Козодавлев О. П.* Стихи Клелии // Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых русских писателей. 1783. Ч. 6. С. 24—26.
33. *Козодавлев О. П.* Нашла коса на камень: Комедия в одном действии. СПб., 1781.
34. *Коменский Я. А.* Видимый мир на латинском, русском, немецком, итальянском и французском языках представленный. М., 1788.
35. <*Коменский Я. А.*> Видимый свет Иоана Амоса Комения на латинском, русском, немецком, итальянском, и французском языках. М., 1768.
36. *Коменский Я. А.* Зрелище Вселенная. На латинском, русском и немецком языках. СПб., 1788.
37. *Коменский Я. А.* Избранные педагогические сочинения: В 2 т. М., 1982.
38. *Кутузов А. М.* О приятности грусти // Московское ежемесячное издание. 1781. Ч. 3. С. 141—153.
39. Московский журнал. М., 1791—1792.

40. *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений: В 3 т. М.; Л., 1938.
41. *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1993.
42. *Ржевский А. А.* Продолжение события сновидения // Русская литература XVIII века, 1700—1775. Л., 1979. С. 299—301.
43. *Ржевский А. А.* Событие сновидения // Русская литература XVIII века, 1700—1775. Л., 1979. С. 298—299.
44. Санкт-Петербургский вестник. 1780. Ч. VI.
45. Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета / Под ред. О. П. Козодавлева. СПб., 1809—1819.
46. Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей. 1783—1785.
47. <*Тюммель М. А.*> Вильгельмина, поэма в шести песнях, сочиненная в прозе господином фон Тиммель. СПб., 1783.
48. Утренний свет. СПб., 1777—1779. М., 1779—1780.

Исследования

49. *Beaumarchais P. A. C. de.* Quatrième Mémoire à consulter. Paris: J. G. Clausier, 1774. P. 64—76.
50. *Boehme E., Luther A.* Frühe deutsche Übersetzungen aus dem Russischen // Philobiblon VI. Wien, 1933. S. 277—370.
51. *Brang P. A. A. M.* Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland (Zum Problem der Attribuierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts) // Zeitschrift für slavische Philologie. Heiderberg, 1962. Bd 30. H. 2. S. 44—57.
52. Crisis and commitment. Studies in German and Russian literature en honor of J. M. Dick / Ed. J. Whinton and H. Loewen. Waterloo, Ontario and Canada, 1983.

53. *Dickmann E.* Deutsch-russische Literatur- und Kulturbeziehungen von der Aufklärung bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slawistik. 1989. Bd. 34. H. 4. S. 55—553.
54. Goethe-Handbuch. Stuttgart: Metzler, 1996. Bd 2.
55. *Grasshoff H.* Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1973.
56. *Guthke K. S.* Geschichte und Poetik der deutschen Tragikomödie. Göttingen, 1961.
57. *Kadler E. H.* Literary figures in French drama (1784 —1834). Hague, 1969.
58. *Lewes G. H.* The Life of Goethe. London: Smith, Elder and Co., 1864.
59. *Loménie L.-L. de.* Beaumarchais and his times / Translated by H. S. Edwards. New York, 1857.
60. *Menhennet A.* The “Romanticism” of a Rationalist: Wieland and the Aeronauts. // Lessing Yearbook—XIII. 1981. P. 229—251.
61. *Müller Rainer A.* Geschichte der Universität. Von mittelalterlichen Universitas zur deutschen Hochschule. München, 1990.
62. *Munro James S.,* Mademoiselle de Scudéry and the Carte de Tendre. Durham, 1986.
63. *Neuhäuser R.* Towards the romantic age. The Hague, 1974.
64. *Roehr S.* A Primer on German Enlightenment: With a Translation of Karl Leonhard Reinhold's The Fundamental Concepts and Principles of Ethics. Missouri, 1995.
65. *Schönle A.* Authenticity and fiction in the Russian literary journal 1790—1840. London, 2000.
66. *Stewart W. K.* Times structure in drama: Goethe's Sturm und Drang plays. Amsterdam, 1978.
67. The Oxford Guide to Literature in English Translation. Ohio: Oxford university press, 2000. P. 318—319.

68. *Wirtschaftler E. K.* The play of ideas in Russian enlightenment theater. Dekaln- Illinois, 2004.
69. *Алексеев М. П.* К литературной истории баллады «Граф Гваринос» // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8. С. 179—189.
70. *Алексеев М. П.* Очерки испанско-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964.
71. *Алексеев М. П.* Сравнительное литературоведение. Л., 1983.
72. *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2014.
73. *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М., 2005.
74. *Андреев А. Ю.* Университет в российской империи XVIII — первой половины XIX века. М., 2012.
75. *Арзуманова М. А.* О связях с Россией А. Н. Радищева в Лейпцигский период // XVIII век. Л., 1958. Сб. 3. С. 527—537.
76. *Арзуманова М. А.* Университетские годы А. Н. Радищева // XVIII век. СПб., 1959. Сб. 4. С. 433 —449.
77. *Асеев Б. Н.* Русский драматический театр XVII—XVIII веков. М., 1958.
78. *Бабич И. В. Бабич М. В., Лантева Т. А.* Екатерина II: Аннотированная библиография публикаций. М., 2004.
79. *Бабушкина А. П.* История русской детской литературы. М., 1948.
80. *Барсуков Н. П.* О жизни и сочинениях А. Н. Радищева // Русская старина. 1872. Т. 6. № 11. С. 573 —581.
81. *Белинский В. Г.* Сочинения Державина. Четыре части, Санктпетербург, 1843 // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Л., 1953—1959. Т. 6.
82. *Берков П. Н.* Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981.
83. *Берков П. Н.* Введение в изучение русской литературы XVIII века (Очерк литературной историографии XVIII века). Л., 1964.

84. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М., 1952.
85. Богомолова М. Ф. Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г. М., 1956.
86. Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Петроград, 1917.
87. Волков Н. Гете в русском театре // Литературное наследство. М., 1932. Т. 4—6. С. 909—914.
88. Вороницын И. П. История атеизма. М., 1927.
89. Гаршин С. А. О. П. Козодавлев // Русская поэзия / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1894. Т. 1. Вып. 4. С. 759—761.
90. Гуковский Г. А. Карамзин // История русской литературы: В 10 т. Л., 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 55—105.
91. Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001.
92. Данилевский Р. Ю. Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы / Под ред. М. П. Алексеева и др. Л., 1970. С. 298—379.
93. Данилевский Р. Ю. «Молодая Германия» и русская литература (Из истории русско-немецких литературных взаимоотношений первой половины XIX в.). Л., 1969.
94. Данилевский Р. Ю. Восприятие России в литературных кругах Веймара (1770—1830-е годы) // Образ России. СПб., 1998. С. 195—236.
95. Данилевский Р. Ю. Лессинг в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения. Л., 1967. С. 282—306.
96. Данилевский Р. Ю. Немецкие журналы С.-Петербурга в 1770—1810 гг. // Русские источники для истории зарубежных литератур: Сб. исследований и материалов. М., 1980. С. 62—105.
97. Данилевский Р. Ю. Фридрих Шиллер и Россия. СПб., 2013.

98. *Демченко В. Д.* Теория драмы в русской критике конца XVIII века и немецкие влияния к проблеме типологии восприятия жанра // *Жанры русского реализма: Сб. научных трудов.* Днепропетровск, 1983. С. 163—172.
99. *Деревцов И. А.* Педагогические идеи А. Н. Радищева. М., 1962.
100. Г. Р. Державин и его время: Сборник научных статей / Под ред. Н. П. Морозовой и др. СПб., 2010. Вып. 5.
101. *Дмитриевич И. А.* Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова». Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.
102. *Дурылин С.* Русские писатели у Гете в Веймаре // *Литературное наследство.* М., 1932. Т. 4—6. С. 81—123.
103. *Егоров Б. Ф.* Утопические полеты на луну // *Филологическому семинару 40 лет.* Смоленск, 2008. С. 267—274.
104. *Ермолаева М. А.* Книга и книжное дело в энциклопедиях и словарях XVIII—начала XIX в. // *Книга: Исследования и материалы.* М., 2007. Сб. 86. Ч. 1. С. 118—127.
105. *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1981.
106. *Жирмунский В. М.* Гете в русской поэзии // *Литературное наследство.* М., 1932. Т. 4—6. С. 505—650.
107. *Житомирская З. В.* Иоганн Вольфганг Гете: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке, 1780—1971. М., 1972.
108. *Жихарев С. П.* Записки современника / Отв. ред. Б. В. Томашевский, М.; Л., 1955.
109. *Зайцева А. А.* Академия наук и частные книгопродавцы в конце XVIII века // *Книга и библиотека в России в XVI — первой половине XIX века.* Л., 1982. С. 100—114.

110. *Зайцева А. А.* Книжная торговая в Санкт-Петербурге второй половины XVIII века. СПб., 2005.
111. *Западов А. В.* Русская журналистика XVIII века. М., 1964.
112. *Западов В. А.* Державин и Руссо // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму. Л., 1974. Вып. 1. С. 55—65.
113. *Западов В. А.* Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х годов XVIII в. // Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Л., 1971. С. 38—60.
114. *Западов В. А.* Неизвестная ода Г. Р. Державина // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 159—165.
115. *Зорин А. Л.* Еще раз о «Дневнике одной недели» А. Н. Радищева: датировка, жанр, библиографическая проблематика: (Опыт историко-психологической реконструкции) // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 130—156.
116. *Иванов А. Е.* Русское академическое зарубежье XVIII — начала XX века: (к постановке научной проблемы) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX — XX вв. М., 1997.
117. Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей / Ред. В. И. Кулешов и В. Фейерхерд. М., 1987.
118. История педагогики / Под ред. Н. А. Константинова, Е. Н. Медынского, М. Ф. Шабоевой. М., 1955.
119. История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977. Т. 1.
120. История русской литературы: В 4 т. / Под ред. Д. С. Лихачева и Г. П. Макогоненко. Л., 1980. Т. 1.
121. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995, 1996. Т. I, II.

122. *Калашикова О. Л.* О роли мифологических символов в аллегории Ф. И. Дмитриева-Мамонова «Дворянин-философ» // Вопросы русской литературы: Межвузовский научный сборник. Симферополь, 1998. Вып. 3. С. 3—13.
123. Каталог коллекции «Редкая книга»: Ботаника. М., 2013.
124. *Клейн И.* «Немедленное искоренение всех пороков»: О моралистических журналах Екатерины II и Н. И. Новикова. СПб., 2006. С. 153—165.
125. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981.
126. *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма. СПб., 1994.
127. *Кочеткова Н. Д.* Н. М. Карамзин — читатель «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новикова // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 413—415.
128. *Кочеткова Н. Д.* Немецкие писатели в журнале Новикова «Утренний свет» // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 113—123.
129. *Кочеткова Н. Д.* Отзывы о Ломоносове в «Собеседнике любителей русского слова» // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С. 270—281.
130. *Кочеткова Н. Д.* Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Л., 1991. Сб. 17. С. 61—71.
131. Краткое известие о жизни покойного министра внутренних дел О. П. Козодавлева // Журнал императорского Человеколюбивого общества. СПб., 1820. Январь. С. 72—77.
132. *Кулакова Л. И., Западов В. А.* А. Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974.
133. *Лешиков В. Н.* Екатерина II и Псковский университет // Просвещение и культура. Псков, 2013. Вып. 38. С. 101—106.
134. *Ливанова Т.* Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы. Т. 1—2. М., 1952. Т. 1.

135. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства. XVIII — начало XIX вв. СПб., 1994.
136. *Лотман Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX вв. // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. IV. С. 13—346.
137. *Лотман Ю. М.* Комментарии: Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 613—676 (сер. «Литературные памятники»).
138. *Макогоненко Г. П.* О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // XVIII век. Л., 1936. Сб. 2. С. 25—53.
139. *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956.
140. *Макогоненко Г. П., Берков П. Н.* Комментарий: Карамзин. Письма русского путешественника // Н. М. Карамзин. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1.
141. *Мельникова Н. И.* Издания, напечатанные в типографии Московского университета: XVIII век. М., 1966.
142. *Минаков А. Ю.* Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. Т. 1.
143. *Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма* // Научные ведомости БелГУ. Сер. 2: История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород, 2009. № 7. Вып. 10. С. 143—150.
144. *Мордизон Г. З.* История театрального дела в России. Основание и развитие государственного театра в России (XVI — XVIII вв.). СПб., 1994. Ч. 1—2.
145. *Муратов М. В.* Книжное дело в России в XIX и XX веках: Очерки истории книгоиздательства и книготорговли. 1800—1917 годы. М., 1931.
146. *Ольховский Е. Р.* Петербургская мозаика. СПб., 2006.
147. *Орлов П. А.* Русский сентиментализм. М., 1977.
148. Осип Петрович Козодавлев в деле списывания актов в кенигсбергском архиве (Несколько слов для его биографии) // Северная почта. 1863. № 82 и № 83. С. 1.

149. От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы / Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1970.
150. *Панов С.* Еще шишковисты и карамзинисты // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 165—177.
151. *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. М., 2003. Т. 1—4.
152. *Пигарев К. В., Фридлендер Г. М.* Третьяковский // История всемирной литературы. М., 1988. Т. 5 / Под ред. С. В. Тураева. С. 366—367.
153. Полное собрание законов Российской империи за 1784—1788. СПб., 1786. Т. XXII.
154. Полное собрание законов Российской империи за 1784—1788. СПб., 1786. Т. XXII.
155. *Потанина Н. Л.* Поэзия Державина на страницах «Собеседника любителей русского слова» и в одной из фамильных библиотек Тамбова // Вестник ТГУ. Томск, 2013. Вып. 1. С. 9 —14.
156. *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957.
157. *Проскурина В. Ю.* Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
158. Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы / Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1972.
159. Речь, произнесённая в третьем годичном собрании С.-Петербургского Минералогического общества, председателем оного г. тайным советником бароном Б. И. Фитингофом, в память почетного члена оного, министра внутренних дел, Осипа Петровича Козодавлева // Журнал императорского Человеколюбивого общества. СПб., 1820. Январь. С. 78—85.

160. Римские кавалеры и дамы: история о соединенной компании и о любовных разговорах римских кавалеров и дам Марцеллюси и Клеллии и прочих // ОР РНБ. Ф. XV. № 29 (Скороп. XVIII в., 227 л.).
161. *Розанов М. Н.* Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц: его жизнь и произведения: критическое изслѣдование. М., 1901.
162. Россия и Германия / Пер. с нем. Берлин, 1871.
163. Русская поэзия / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1894.
164. *Серман И. З.* Комментарии: Богданович, «Душенька» // И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы. Л., 1957.
165. *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1.
166. *Сложеникина Ю. В.* «Сон, щастливое общество» А. П. Сумарокова: К проблеме вербального кода русского масонского текста // Вестник ВолгГУ, Языкознание. Волгоград, 2011. Сер. 2. № 2. С. 35—39.
167. *Смагина Г. И.* Школьная реформа Екатерины II на страницах «Staats-Anzeigen» // Федоровские чтения. М., 2005. С. 540—549.
168. *Соболев В. С.* Дар с неба спавший... (К истории метеорита «Палласово железо») // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 11. С. 68—71.
169. *Солопова М. А.* Аристотель о природе сновидений: физика против мантики // Историко-философский ежегодник. М., 2011—2012. С. 40—58.
170. *Стадников Г. В.* Лессинг: Литературная критика и художественное творчество. Л., 1987.
171. *Стенник Ю. В.* Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей русского слова» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 113—130.
172. *Степанов В. П.* К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // XVIII век. СПб., 1983. Вып. 14. С. 105—120.
173. *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии наук. СПб., 1882. Вып. VI.

174. *Тронская М. Л.* Герои-комическая поэма М. А. Тюммеля в русском переводе // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. Л., 1966. С. 181—186.
175. *Федорченко В.* Дворянские роды, прославившие отечество: Энциклопедия дворянских родов. М., 2003. С. 203—204.
176. *Хексельшнейдер Э.* Лейпциг XVIII века в восприятии русских путешественников // Аониды: Сборник статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2013. С. 154—163.
177. *Хотеев П. И.* Русские студенты в университетах Германии в первой половине XVIII века // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 71—81.
178. *Чаянова О.* Театр Маддокса в Москве, 1776—1805. М., 1927.
179. *Чума А.* Издания произведений Я. А. Коменского в России // Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 470—477.
180. *Чумакова Т. В.* К вопросу о рецепции Аристотеля в древнерусской культуре. СПб., 2004. С. 243—256.
181. *Шеметов А.* Прорыв: повесть об А. Радищеве. М., 1978.
182. Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы / Под ред. М. П. Алексева. Л., 1967.
183. Эпоха романтизма: Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1975.
184. *Якушкина Т. В.* Точка отсчета: об истории развития понятия «Возрождение» в России в XVIII в первой половине XIX в. // Вестник СПбГУКИ. СПб., 2011. Сентябрь. С. 148—159.

Справочные материалы

185. Библиография русской периодической печати 1703—1900 гг. (Материалы для истории русской журналистики). Пг., 1915.

186. Герб рода Козодавлевых // Общий гербовник дворянских родов Российской империи. СПб., 1791. Ч. 1. С. 67—68.
187. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1863—1866.
188. *Драматический словарь.* М., 1787.
189. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725 — 1800: В 5 т. М., 1963 —1967, 1975.
190. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. М.; Л., 1925. Т. 1.
191. Русско-европейские литературные связи. XVIII век: Энциклопедический словарь. Статьи / Отв. ред. П. Е. Бухаркин. СПб., 2008.
192. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1—3. Л.; СПб., 1988—2010.
193. Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2003. Т. 1—2.